

Санкт-Петербургский государственный университет

Потиенко Валерия Игоревна

**ПРАГМАТИКА МОЛЧАНИЯ
PRAGMATICS OF SILENCE**

Выпускная квалификационная работа

направление подготовки 035700 «Лингвистика»
образовательная программа «Иностранные языки»
профиль «Английский язык»

Научный руководитель: канд. филол. наук, ст. преп. Н.Ф. Щербак

Рецензент: канд. филол. наук, доц. Н.Б. Мальцева

Санкт-Петербург
2017

Содержание

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена исследованию и описанию акта молчания как коммуникативно значимого элемента, который рассматривается в контексте диалогической речи и дискурса в целом. Таким образом, **объектом** исследования выступает феномен молчания как часть процесса коммуникации. **Предметом** исследования являются прагматические функции коммуникативно значимого акта молчания в англоязычном дискурсе.

Молчание как факт речевой культуры представляет собой универсальное, но весьма неоднородное явление, в силу чего его изучение требует междисциплинарного подхода и синтеза различных областей знания. За последние пятьдесят лет молчание стало предметом исследования целого ряда научных дисциплин, таких как философия (Бибихин 2015, Богданов 1997, Эпштейн 2006), теология (Аверинцев 2006, Иванов 2003), антропология (Basso 1970), этнография и психология (Baker 1995, Winnicott 1963). Антропоцентрическая парадигма в современной науке активизирует изучение молчания и в лингвистике: описание речевой деятельности человека оказалось неполным без характеристики молчания как одного из неотъемлемых компонентов речевого поведения.

Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что она соответствует современной антропоориентированной научной парадигме и выполнена в рамках прагмалингвистического подхода, который изучает закономерности использования, функционирования и интерпретации языковых знаков в процессе общения. Кроме того, несмотря на наличие большого количества работ, рассматривающих молчание как коммуникативную единицу, природа и

функции этого явления до сих пор не получили хоть сколько-нибудь полного и системного описания. Из этого следует, что затрагиваемая в настоящем исследовании проблема до сих пор остается актуальной для современной лингвистики и требует дальнейшего изучения.

Теоретической основой исследования послужили работы Т. Брюно (Bruneau 1973), Дж. Йенсена (Jensen 1973), Д. Курзона (Kurzon 1998), М. Савиль-Труак (Saville-Troike 1982, Saville-Troike 1985, Saville-Troike 2006), А. Стедье (Stedje 1983), М. Ефратт (Ephratt 2008, Ephratt 2011), С.В. Крестинского (Крестинский 1991) и Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1994), выполненные в рамках прагмалингвистики, семиотики и теории коммуникации.

Цель работы заключается в исследовании феномена молчания как элемента коммуникации, описании специфики его функционирования в структуре общения, а также в выявлении его коммуникативных функций. Достижение поставленной цели требует выполнение ряда частных **задач**:

1. Рассмотреть историю изучения молчания с её истоков до современных лингвистических подходов, разработанных в русле прагматической парадигмы.
2. Определить разницу между коммуникативно значимым и коммуникативно незначимым молчанием.
3. Выявить и описать различные виды молчания в структуре общения.
4. Установить основные коммуникативные функции молчания.
5. Разработать методику анализа акта молчания как одного из элементов процесса общения.
6. Изучить и описать специфику функционирования молчания в структуре коммуникации.

При решении поставленных задач в ходе исследования применялись следующие **методы**: метод лексико-семантического анализа, метод

контекстуального анализа, метод коммуникативно-прагматической интерпретации.

Научная новизна выполненного исследования обусловлена рядом факторов, а именно тем, что:

1. в настоящей работе дан обзор лингвистической и философской научной литературы, посвященной феномену молчания;
2. молчание впервые рассматривается как комплексное и неоднородное явление, требующее различных подходов к своему анализу;
3. определяется место разных видов молчания в структуре коммуникации;
4. разработана новая методика анализа коммуникативного молчания;
5. предложена системная классификация функций молчания как компонента общения.

Исследование проводилось на **материале** 350 примеров, отобранных методом сплошной выборки из англоязычной художественной литературы, языковых корпусов и отдельных Интернет-источников.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в возможности использования теоретических наблюдений и полученных результатов в лекционных курсах по общей лингвистике, в спецкурсах по прагмалингвистике, семиотике, теории коммуникации, а также при анализе художественного текста.

Объем и структура выпускной квалификационной работы. Настоящее исследование общим объемом 85 страниц печатного текста состоит из введения, двух глав, выводов по ним и заключения. К работе прилагается список сокращений, список источников примеров и список использованной литературы, включающий 34 наименования на русском и 39 наименований на английском языках.

Глава 1. Философские и лингвопрагматические основы исследования феномена молчания

1. Молчание в философии и религии

Философское исследование феномена молчания в его диалектическом соотношении с речью всегда опирается на человека, единственного в живой природе существа, не только обладающего внутренне структурированной знаковой системой языка (Толочин 2014), но и способного использовать молчание в качестве языкового знака, наделенного определенным содержанием. При этом необходимо учитывать, что особое значение в философском дискурсе проблема соотношения молчания и речи приобретает именно тогда, когда обнаруживает свою укорененность в сопоставлении бытия и небытия, границы которых определяются «первой речью мысли – именованием сущего и ничто», неслышимым ответом «да и нет на вызов бытия и небытия» (Бибихин 2015: 145). Человеческая речь переплетена с молчанием точно так же, как бытие – с небытием, и именно эта диалектическая природа взаимосвязи молчания и речи привлекает особое внимание философов, культурологов и религиоведов.

Среди исследователей, затрагивающих в своих трудах проблему молчания, особенно выделяются М.М. Бахтин (Бахтин 1979), В.В. Бибихин (Бибихин 2015), К.А. Богданов (Богданов 1997), М. Эпштейн (Эпштейн 2006), Мартин Хайдеггер (Хайдеггер 2006), Людвиг Витгенштейн (Витгенштейн 2011) и Сьюзен Зонтаг (Sontag 1966). Так или иначе, все перечисленные выше ученые ставят вопрос о первичности или вторичности молчания по отношению к речи, о том, является ли молчание фоном или же может выступать как самостоятельная фигура.

М.М. Бахтин рассматривает триаду «молчание – осмысленный звук (слово) – пауза» как особую речемыслительную область культуры (логосферу), чья структура едина и непрерывна, а целостность принципиально открыта (незавершима). Помимо этого, философ противопоставляет молчание тишине как явление персоналистичное и осмысленное явлению природному и физиологичному: «В тишине ничто не звучит (или нечто не звучит) — в молчании никто не *говорит* (или некто не говорит). Молчание возможно только в человеческом мире (и только для человека)» (Бахтин 1979: 337-338). Если восприятие звука происходит на фоне тишины, то молчание (отсутствие слова) можно понимать как необходимый фон любой речи (Бахтин 1979: 337-338).

Может показаться, что точно такую же роль фона слова отводит молчанию и В.В. Бибихин: «Вещи, как они теснят нас, отражены языком с его основой, молчанием» (Бибихин 2015: 159). Язык, таким образом, есть взаимодействие молчания и слова, а начала его лежат в выборе говорить или не говорить. Этот первоначальный выбор между именованием и умолчанием проходит через все уровни языка, наделяя каждое высказывание особой значительностью. «То, что сообщение появляется здесь и теперь, когда его могло и не быть, - знак, не имеющий для себя синонимов» (Бибихин 2015: 160). Однако, как отмечает Бибихин, знаком особого содержания может быть и само молчание, приобретающее в этом случае статус не просто фона, но фигуры: «...человеческое молчание иногда говорит весомее слова. Оно лучше отвечает неопределимости мира» (Бибихин 2015:161). Подобного рода глубокое молчание нуждается в прикрытии и обеспечении словом, которое выступает для «говорящего» или даже «кричащего» молчания необходимым фоном. Таким образом, В.В Бибихин не дает однозначного ответа на вопрос о том, что первично - речь или молчание, но вскрывает диалектическую природу их взаимосвязи (Бибихин 2015: 158-162).

Более определенно молчание в его отношении к речи трактует К.А. Богданов, который, соглашаясь с тем, что молчание имеет фоновую природу, тем не менее отмечает, что информационное взаимодействие между знаком и фоном в языке носит взаимодополнительный характер. Иными словами, молчание обладает точно таким же семантическим потенциалом, что и слово, произнесенное на его фоне и вступающее с ним в информационное взаимодействие (Богданов 1997: 7-8). Предшествующая слову основа молчания из-за своего особого статуса доминирует над речью и довлеет над ней, она представлена во всех культурах и поэтому требует осмысления и анализа. «Существуют неговорящие члены общества, но не существует таких, которые бы никогда не молчали» (Богданов 1997: 4).

К.А. Богданов, вслед за М.М. Бахтиным рассматривающий молчание как фон слова, не поддерживает противопоставление молчания тишине как человеческого природному, которое впервые встречается у М.М. Бахтина и сегодня разделяется многими философами и лингвистами (Арутюнова 1994). Тишина, по мнению философа, в системе языка точно так же ориентирована на человека, как и молчание, и иногда несет в себе даже большую субъективность (ср. «Я вошел в аудиторию. (Наступило) молчание». – «Я вошел в аудиторию. (Наступила) тишина»). Неслучайно во многих европейских языках тишина и молчание обозначаются одним словом (англ, фр. *silence*, ит. *silenzio*, исп. *silencio*). Таким образом, в мире языкового мышления тишина как явление естественного состояния среды и молчание как явление психического ряда оказываются в одинаковой степени антропологически ориентированными (Богданов 1997: 27-28).

В западной философской традиции проблема молчания получила наиболее полное освещение в работах Мартина Хайдеггера. В его работе «Бытие и время» молчание выступает как мера языка: «Язык основывается внутри молчания. Молчание — вот самое скрытое вымеривание меры» (Хайдеггер 2006: 233). Если язык — дом бытия, а молчание — мера, очерчивающая его

границы, то молчание становится тем онтологическим объектом, в котором заложены пределы бытия (Хайдеггер 2006, Катюхина 2009). Чтобы человеку должным образом отвечать на «зов Бытия сущего» (Хайдеггер 1993: 121), каждое его слово должно пройти через «чистилище» молчания, чья ограничивающая сила только и может превратить язык в подлинный дом бытия (Хайдеггер 2006, Катюхина 2009).

Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате» отталкивается от мысли о том, что основная задача языка заключается в утверждении или отрицании атомарных фактов, из которых состоит как реальность, так и самая чистая форма языка – язык логики (Рассел 2011: 13). Трактат немецкого философа заканчивается знаменитым императивом «Wovon man nicht sprechen kann, darüber muß man schweigen / О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Витгенштейн 2011: 218). Философ полагает, что молчание является единственно возможным способом выражения такого содержания, которое не доступно языку логики, языку атомарных высказываний. Все предметы метафизики, эстетики и этики Витгенштейн помещает в область мистического и потому средствами языка принципиально невыразимого (Zemach 1964). То, что в принципе может быть сказано, может быть сказано ясно, языком логики, о том же, что находится за пределами атомарных фактов и верифицируемых суждений, следует молчать. Где заканчивается речь, там начинается молчание. Сходную мысль находим у В.В. Бибихина: «Есть события, полное участие в которых требует отказа от их именованя и осмысления» (Бибихин 2015: 161).

Таким образом, в трактате Людвига Витгенштейна получает новую интерпретацию идея Мартина Хайдеггера о молчании как мере языка и, следовательно, бытия. По Витгенштейну, молчание ставит границу тому, что вообще может быть мыслимо и выражено в языке, а значит, и границу самому мышлению: «Эту границу можно поэтому провести только в языке, и все, что

лежит по ту сторону границы, будет просто бессмыслицей» (Витгенштейн 2011: 34).

Михаил Эпштейн указывает на неточность и внутреннюю противоречивость знаменитого афоризма Витгенштейна, напоминая о необходимости различать тишину и молчание (Stille und Schweigen): «То, о чем невозможно говорить, пребывает в тишине, а не в молчании, как не-предмет, не "о"» (Эпштейн 2006: 181). Молчать можно только о том, о чем можно и говорить, ведь молчание, в отличие от тишины как особого состояния бытия, принадлежит области языка и языкового сознания в той же мере, что и речь. Наблюдаемая в культуре тенденция отождествлять тишину с молчанием оправдана их внешним акустическим тождеством – оба явления предполагают отсутствие звуков, однако по своей внутренней структуре молчание гораздо сильнее тяготеет к разговору и делит с ним обращенность сознания субъекта на какой-либо объект (Эпштейн 2006: 180). Обоснованность различения тишины и молчания подтверждают данные лингвистического анализа: «...глагол молчать... предполагает возможность выполнения речевого действия» (Арутюнова 1994: 108).

Сьюзен Зонтаг в статье «Эстетика молчания» также указывает на то, что молчание неизбежно является формой коммуникации и составной частью диалога. При этом, как пишет С. Зонтаг, любое слово отсылает к тому, что было до его произнесения, а также к тому, что будет после, то есть к молчанию, понимаемому как необходимое условие речи (the precondition of speech). «Без своей противоположности в молчании вся система языка перестанет функционировать / Without the polarity of silence, the whole system of language would fail». ¹ Однако роль молчания не сводится только к фону и необходимой предпосылки речи. В своей статье С. Зонтаг указывает на зарождение новой культурной парадигмы, полагающей в качестве основной цели искусства достижение абсолютного целостного состояния бытия,

---

¹ Здесь и далее перевод наш, Поттиенко В.И.

описанного выдающимися религиозными мистиками. Современное искусство, таким образом, непосредственно смыкается с религиозными практиками и наследует их задачу разрешения противоречий, присущих человеческой природе. Отсылая к традиции апофатической теологии, или негативного богословия, С. Зонтаг отмечает, что искусство отныне направлено не на выражение человеческого сознания, а на его самоустранение путем отказа от речи и преследования бесконечно отступающего горизонта молчания (an ever-receding horizon of silence). Заданная новой парадигмой конечная цель искусства заключается в том, чтобы приблизиться к не скованному никакими ограничениями, неизбирательному, совершенному сознанию Бога (the unfettered, unselective, total consciousness of God). Молчание в таком случае является как необходимым условием речи, так и результатом или целью правильно направленной речи. В другой части своей статьи Зонтаг описывает молчание как «область созерцательного размышления, духовного созревания, испытания, завершение которого дает право говорить» (Sontag 1966).

Характерная для большинства современных философов интерпретация молчания, ярко представленная и обоснованная в статье Сьюзен Зонтаг, непосредственно соотносится с пониманием этого явления в религиозно-мистической традиции. В теологическом религиозном дискурсе молчанию отводится роль одной из главной добродетели, без которой невозможно истинное покаяние и приближение к Богу, в нетеологическом – роль наиболее прямого и быстрого пути к состоянию чистого сознания.

В православной традиции символика молчания связывается, во-первых, с идеей Слова-Логоса, которым Бог сотворил все первоэлементы мироздания (Быт. 1).² Если, согласно Евангелию от Иоанна, «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1.1),³ то Божественное творящее

---

² Цит. по Эпштейн 2006

³ Цит. по Эпштейн 2006

Слово требует от человека молчания и потому произноситься должно только в молчании (Эпштейн 2006: 182). Отсюда и возникновение в восточнохристианской мистической традиции особой формы религиозной и монашеской практики - исихазма (от греческого "исихия" (мир, молчание, безмолвие, покой)), ядро которого составил принцип «умного делания» или «умной молитвы». Под этим принципом понималось непрестанное творение в уме Иисусовой молитвы, которая должна была привести ум в состояние полного безмолвия (Торчинов 1998, Эпштейн 2006).

Во-вторых, в православном контексте идея молчания также соотносится с мотивом страдания, непротivления жертвы своему уделу (Аверинцев 2000). В текстах «Книги Исаии» об «Отроке Господнем» молчание изображено как радикальный отказ от насильственности: «Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Исайя 53, 7).⁴ Таким образом, в православной традиции молчание обнаруживает свою особую внутреннюю связь с идеей «кеносиса» - добровольного уничтожения, принятого на себя Христом и его последователями (Аверинцев 2005).

Наконец, идея молчание приобретает особое значение в апофатическом богословии, согласно которому тайна Божественной сущности принципиально невыразима, человеческим словом не схватывается. «Молчание апофатично, иначе говоря, оправдано с точки зрения, так сказать, мистической теории познания, ибо оно лучше всего иного отвечает сокровенной сути Таинства» (Аверинцев 2005: 270).

Установка на молчание в равной степени характерна и для гносеологических стратегий Востока - буддизма (особенно дзен-буддизма), даосизма, индуизма (Богданов 1997: 238). Так, в религиозно-философском дискурсе буддизма неизменно признается, что состояние нирваны абсолютно трансцендентно

---

⁴ Цит. по Аверинцев 2006

обыденному опыту, а значит природа его несемiotична, принципиально невыразима в словах и понятиях. Именно поэтому, согласно буддийским легендам, сам Будда никогда не давал прямого ответа на вопрос о том, что же такое нирвана, и хранил «благородное молчание», когда этот вопрос все-таки задавали (Торчинов 2013: 37).

Таким образом, уже в рамках философского подхода было выработано представление о молчании как о неотъемлемой части языка и языкового сознания. В зависимости от фокуса исследования молчание может рассматриваться и как необходимый фон речи, и как самостоятельная фигура, причем в качестве фона во втором случае будет выступать сама речь. В структуре языка молчание и речь абсолютно равноправны, так как оба явления обладают интенциональностью, то есть обращенностью сознания субъекта на какой-либо объект, и способны выступать знаком определенного содержания. Религиозно-мистическая традиция, напротив, отводит молчанию большую роль, чем речи, что находит свое выражение в исихастской идее безмолвия, с одной стороны, и в «благородном молчании» Будды, с другой.

2. Молчание и лингвистика

Интерес к изучению молчания в современной лингвистике напрямую связан с общим развитием научной мысли, а именно с тенденцией к антропоцентризму научных исследований. Положение об ориентированности современной науки на человека и его определяющей для нее роли «не только не подвергается сомнению, но и является тем основанием, на базе которого проходит успешное слияние научных дисциплин, разрабатываемых человеком о человеке и ради человека» (Хомякова 2012: 208).

Однако изучение человека говорящего, рассматриваемого в качестве отправной точки для создания единой методологической основы, которая позволила бы объяснить все важнейшие моменты существования языка (Постовалова 1995: 407), оказалось невозможным без учета человека

молчащего. Нельзя не согласиться с утверждением К.А. Богданова о том, что существуют неговорящие члены общества, но не существует таких, которые бы никогда не молчали (Богданов 1998: 4).

Несмотря на то, что широкое изучение молчания в русле лингвистики началось относительно недавно (конец второй половины XX века), сегодня можно говорить о множестве подходов к анализу этого явления. В соответствии с трактовкой роли молчания в коммуникации и методологии изучения этого явления можно выделить два основных направления исследований:

1. Молчание как элемент невербальной коммуникации и объект изучения паралингвистики
2. Молчание как сложное коммуникативное явление и самостоятельный объект изучения теории коммуникации

2.1. Паралингвистический подход к изучению молчания: основные положения и проблемы

Среди ученых, изучающих коммуникативное поведение человека, нет единства во мнении о том, какую часть межличностного общения можно охарактеризовать как вербальную, то есть кодирующую сообщение посредством речевых средств, какие ещё системы общения можно выделить, и, наконец, какая роль в процессе коммуникации отводится молчанию. Согласно подсчетам, в сфере межличностной коммуникации между взрослыми людьми на долю вербальных средств общения приходится не более 35% (Vargas 1986: 10) - следовательно, большая часть информации передается посредством невербальных компонентов. Та их часть, которая включена в речевое сообщение и несет, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию, является предметом изучения паралингвистики (от греч. *Παρά* - около и лингвистика) (ЛЭС 1990).

Традиционно рассматривая и определяя молчание в оппозиции к речи, многие ученые-лингвисты относят это явление к сфере паралингвистики, то есть коммуникации сопровождающей, дополняющей или заменяющей речь (communication accompanying, complementing, or substituting for speech) (Anderson 2006: 690). При этом изучение молчания в контексте коммуникации, которая в современной лингвистике понимается как обмен информацией посредством знаковой системы языка (Морозова 2011: 210), обусловило разграничение молчания коммуникативного, или коммуникативно-значимого, и некоммуникативного, или коммуникативно-незначимого. Существует множество исследований, посвященных выявлению релевантных признаков молчания как акта коммуникации, однако большинство ученых приходят к выводу о том, что молчание может функционировать как акт коммуникации, если носит целенаправленный характер, обладает интенциональностью и передает определенную информацию, которая успешно воспринимается и расшифровывается адресатом. «Для того чтобы молчание обладало значением в лингвистическом смысле этого слова, говорящий должен молчать с каким-либо коммуникативным намерением <...> Если же за поведением говорящего не стоит никакого намерения, мы можем отнести к такому молчанию как к нецеленаправленному, а, следовательно, и не имеющему никакого значения с лингвистической точки зрения» (Kurzon 1998: 8-9). Однако, как будет показано ниже, отнесение всякого молчания, в том числе коммуникативно-значимого, в сферу паралингвистики отрицает саму природу параязыка, понимаемого как все явления, непосредственно сопровождающие речь, но при этом не представляющие из себя языковые знаки (Ephratt 2011: 2287).

Как было сказано выше, ученые, рассматривающие молчание в контексте невербальной коммуникации, относят его к сфере паралингвистики, а именно к фонационным паралингвистическим средствам. Так, Д. Ливерс перечисляет девять отличительных признаков звука, которые могут передавать значение, а именно: громкость, тон, темп, длина, качество, регулярность, артикуляция,

произношение и молчание (loudness, pitch, rate, duration, quality, regularity, articulation, pronunciation and silence) (Leathers 1997: 162). Вместе с тем ученый указывает на особую природу последнего выделенного элемента и отмечает, что при строгом формальном подходе молчание не может рассматриваться в качестве того или иного фонационного признака, сопровождающего произнесение звука, ведь молчание, напротив, снимает остальные восемь определяющих признаков звуковых сигналов (Leathers 1997).

В исследованиях, посвященных невербальной коммуникации, также встречаются иерархические и более детальные таксономии паралингвистических средств (Trager 1958, Crystal and Quirk 1964, Poyatos 2002), однако вопрос о статусе и сущности молчания и здесь остается открытым. В частности, в контексте паралингвистических исследований не были разработаны четкие критерии разграничения заполненных и незаполненных пауз (молчания) (Ephratt 2011: 2292).

Существуют и более широкие трактовки молчания как невербального средства коммуникации, выходящего за рамки паралингвистики. Так, в классификации невербальных средств общения, предложенной М. Варгас (Vargas 1986), паралингвистика сводится только к фонационным средствам, а молчание рассматривается отдельно от них наряду с такими явлениями, как кинетика (мимика и все сопровождающие речь движения), язык глаз, тактильное поведение и прикосновения, проксемика (организация процесса коммуникации в пространственной системе координат), хронемика (организация процесса коммуникации на временной шкале) и язык цвета (Vargas 1986: 10-11).

Однако и в трактовке М. Варгас молчание относится к сфере невербальной коммуникации. Такой же позиции придерживаются и большинство русских лингвистов. С.В. Крестинский, в частности, определяет коммуникативно-значимое молчание как «акт молчания, который, будучи включенным в

структуру языкового общения как один из его невербальных компонентов, способен выполнять некоторую коммуникативную функцию, т.е. способен быть единицей общения, знаком, коммуникативным актом» (Крестинский 1993: 56).

С таким подходом к молчанию спорит Д. Курзон, отмечая, что необходимо отличать со-вербальную коммуникацию (co-verbal communication) как невербальную коммуникацию, сопровождающую речь, от невербальной коммуникации в более широком смысле: «Термин «невербальная» может быть взаимозаменяемым с «со-вербальная» в зависимости от того, сопровождают ли жесты или мимические выражения речь или нет» (Kurzon 1998: 19). Невербальная коммуникация, таким образом, обладает способностью сопровождать коммуникацию вербальную, протекать одновременно с ней. Такой подход к невербальной коммуникации позволяет исследователю выявить противоречия в понимании молчания другими лингвистами и предложить принципиально иную его трактовку. Отталкиваясь в своих рассуждениях от принципа семиотического квадрата, построенного по примеру логического квадрата Аристотеля, Д. Курзон приходит к выводу, что молчание и речь находятся в оппозиции друг к другу не как невербальный элемент коммуникации - вербальному, а лишь с точки зрения вокализации (использования речевого аппарата) (Kurzon 1998: 8-18). Д. Курзон также отмечает, что человек не может говорить и молчать в одно и то же время, а значит, отношения между речью и молчанием всегда являются парадигмальными («или – или») (Kurzon 1998: 11). «Речь и молчание не могут протекать в один и тот же период времени» (Kurzon 1998: 19). Коммуникативное молчание, таким образом, не способно сопровождать речь, но, наоборот, само может сопровождаться различными средствами невербальной коммуникации. Результаты исследования Д. Курзона можно обобщить в виде следующей таблицы (Kurzon 1998: 18):

	В е р б а л ь н о е к о м м у н и к а т и в н о е в з а и м о д е й с т в и е	Н е в е р б а л ь н о е к о м м у н и к а т и в н о е в з а и м о д е й с т в и е
В о к а л и з о в а н н а я к о м м у н и к а ц и я	Р е ч ь	П а р а л и н г в и с т и к а
Н е в о к а л и з о в а н н а я к о м м у н и к а ц и я	М о л ч а н и е	Т е л о д в и ж е н и я, и т. д.

Таким образом, результаты исследования позволяют Д. Курзону сделать вывод о том, что молчание в структуре коммуникации подобно речи, но речи невысказанной, неозвученной, не выраженной материальным знаком, которая и представляет собой вербальную невокализованную коммуникацию.

Необходимо отметить, что научное описание молчание значительно осложняется сложностью и многоаспектностью этого явления. За годы изучения молчания в русле паралингвистической парадигмы ученым не удалось разработать единообразный понятийный аппарат, который позволил бы избежать разночтений в понимании молчания. Строго паралингвистический подход к исследованию этого явления не учитывал многообразия видов молчания и контекстов его функционирования в процессе коммуникации, однако он позволил обозначить новые перспективы в изучении молчания – необходимость разработки классификации видов и функций этого явления как части человеческого общения.

2.2. Молчание в свете теории коммуникации: таксономия и структурные особенности

Рассмотрев паралингвистический подход к изучению молчания и выявив основные его проблемы, в настоящем разделе мы обратимся к исследованиям, которые рассматривают молчание не в качестве одного из элементов в системе невербальных языковых средств, а как самостоятельное

и неоднородное лингвистического явление. Первым таким исследованием в сфере коммуникативной лингвистики и теории речевых актов считается статья Т. Брюно «Коммуникативное молчание: формы и функции» (Bruneau 1973).

Как и многие исследователи после него, Т. Брюно начинает свою работу с указания причин, по которым лингвистика долгое время обходила вниманием проблему молчания: «Основным заблуждением, которое препятствовало привлечению внимания науки к молчанию, является широко распространенное, общепринятое предположение, что молчание не имеет с речью ничего общего, является ее абсолютной противоположностью, ее антагонистом» (Bruneau 1973: 18). Классификация видов молчания, разработанная Т. Брюно, опирается на два основных положения ученого о природе этого явления:

а) «Молчание относится к речи так же, как этот белый лист бумаги к тому, что на нем напечатано» (Bruneau 1973: 19), то есть молчание является фоном по отношению к речи;

б) «Полное молчание, таким образом, невозможно: даже когда человек не говорит вслух, он продолжает вести с самим собой непрерывный внутренний монолог» (Bruneau 1973: 17).

На основании этих положений ученый выделяет три основные формы молчания: 1) психолингвистическое молчание, под которым Т. Брюно понимает хезитативные паузы как случаи сбоя в коммуникации, к числу которых ученый относит запинки, незаконченные высказывания, исправление ошибок, повторы и т.д., 2) интерактивное молчание, непосредственно связанное с процессом обмена языковыми сообщениями в коммуникативной ситуации (молчание при порождении или расшифровке высказываний; молчание, направленное на сохранение межличностного пространства и т.д.), 3) социокультурное молчание (молчание как часть отношений власти-

подчинения и молчание, возникающее в определенных социальных институтах (больницах, залах суда, библиотеках)) (Bruneau 1973).

Дж. Йенсен, чья статья «Коммуникативные функции молчания» (Jensen 1973) была опубликована в один год с работой Т. Брюно, в начале своего исследования также указывает на то, что до сих пор лингвистика не придавала должного значения роли молчания в коммуникации. «Хотя мы и отдаем должное способности к общению посредством речевых звуков и зрительных символов, лишь немногие полностью осознают, что отсутствие звука, то есть молчание, также выполняет ряд весьма важных функций в процессе коммуникации» (Jensen 1973: 249) .

Большой вклад в изучение проблемы молчания как коммуникативного акта внесла М. Савиль-Труак (Saville-Troike 1982, Saville-Troike 1985, Saville-Troike 2006), которая проводит четкое различие между паузами как элементами невербального кода и актом молчания как частью кода вербального: «Когда молчание обладает преднамеренной коммуникативной функцией, его можно рассматривать в качестве одной из форм речевого акта» (Saville-Troike 1982: 144). М. Савиль-Труак оспаривает широко распространенное в лингвистике представление о фоновой природе молчания, отмечая, что молчание может быть самостоятельным объектом исследования, границы которого определяются речевым материалом, который в данном случае выступает в качестве фона (Saville-Troike 1985:4). Помимо признания молчания значимым элементом коммуникации, М. Савиль-Труак указывает на то, что акт молчания, подобно речевому акту, обладает сложной структурой и множеством измерений (Saville-Troike 1985:4). Кроме того, исследовательница рассматривает молчание в качестве «означающего» в сосюрловском смысле этого слова, то есть как значимый элемент, чья связь с референтом обусловлена принятыми в той или иной культуре конвенциями (Saville-Troike 2006: 379). «Подобно тому, как это происходит в речи, связь

между молчанием и значением может быть символической, индексальной или иконической» (Saville-Troike 2006: 379).

Идеи М. Савиль-Труак нашли свое дальнейшее развитие в работах М. Ефратт (Ephratt 2008, Ephratt 2011), которая, указывая на сложную природу молчания и необходимость конвергентного подхода в изучении этого явления, рассматривает его в контексте паралингвистики, лингвистики и экстралингвистики. Такой метод анализа позволяет исследовательнице выделить три вида молчания: 1) индексальное (паралингвистическое измерение), 2) символическое (лингвистическое измерение), 3) иконическое (экстралингвистическое измерение) (Ephratt 2011). Опираясь на классификацию знаков, предложенную Ч. Пирсом (Peirce 1965), М. Ефратт рассматривает символы как знаки, обладающие неотъемлемой коммуникативной функцией: их единственная цель – передавать информацию, при этом расшифровываются такие знаки с помощью специального кода. Иконы, напротив, могут передавать информацию, но будут порождаться в любом случае и вне зависимости от реакции воспринимающего. Более того, значение знаков-икон извлекается посредством умозаключения (inference), а не декодирования (decoding) (Wilson and Wharton 2006: 1561). Индексы в этой классификации занимают промежуточное положение - они используются говорящим для передачи какой-либо информации и в то же время выполняют определенную практическую функцию, относящуюся к языковому поведению (Ephratt 2011: 2288).

Как было отмечено выше, большинство лингвистов относят феномен молчания к сфере параязыка. М. Ефратт считает, что такой подход к классификации молчания имеет смысл, если рассматривать параязык как промежуточное знаковое явление, обладающее чертами как символа, так и иконы, и понимать под паралингвистическим молчанием все паузы, возникающие в процессе общения (Ephratt 2011: 2298). Подобные паузы

одновременно иконичны, поскольку возникают в коммуникации для обеспечения некоммункативных функций (например, дают время справиться с эмоциями или осмыслить услышанное), и символичны, поскольку говорящий выдерживает паузы с целью передать определенную информацию (например, «Я молчу, поскольку сильно потрясен/удивлен» или «Я осознаю, что мои доводы не так-то легко понять, поэтому я делаю паузу, чтобы позволить тебе, слушающий, обдумать мои слова») (Ephratt 2011: 2298-2299). Именно коммуникативная направленность этих пауз позволяет приписать им символическую функцию, при этом стоит отметить, что далеко не все паузы принадлежат к паралингвистическому измерению, то есть являются знаками. В качестве примера некоммункативного молчания М. Ефратт приводит молчание спящего, молчание в одиночестве (см. также Jaworski 1993: 77), паузы, возникающие в результате заикания или из-за особенностей физиологического состояния, а также паузы, вызванные сильным, приведшим к диссоциации эмоциональным переживанием (Ephratt 2011: 2299). Таким образом, только те случаи, при которых молчание используется говорящим в качестве индексального знака, обладающего одновременно чертами символа и иконы, следует относить к области паралингвистики (Ephratt 2011: 2299).

В этой связи необходимо вспомнить о разнице между «языковой компетенцией» и непосредственным «использованием языка» (*competence and performance*), впервые отмеченной Н. Хомским (Chomsky 1965). Дж. Лайонз (Lyons 1972), следуя этому разграничению, предлагает отличать явления, принадлежащие системе языка, от явлений, относящихся к языковому поведению и лежащих вне сферы ведения лингвистики. Лайонз рассматривает «оговорки, неправильное произношение, хезитативные паузы, запинки, заикание» (Lyons 1972: 49, 57-58) как особенности «использования языка» (*performance*), которые, следовательно, не могут обладать собственной коммуникативной функцией. Несложно заметить, что некоторые примеры,

приводимые Дж. Лайонзом, совпадают со случаями некоммунитивного молчания, которые перечисляет М. Ефратт.

Исключая из сферы исследования некоммунитивные паузы, М. Ефратт также указывает на разницу между молчанием как отсутствием речи и молчанием, внешним по отношению к человеческому телу – тишина природы, тишина в наушниках после короткого замыкания, тишина после автомобильной аварии (Ephratt 2011: 2299-2300). Необходимо отметить, что в английском языке молчание и тишина обозначаются одним словом *silence*, в то время как в русском языке отсутствие звуков природы и отсутствие человеческой речи маркируются разными словами (Богданов 1997: 27-28, Арутюнова 1994: 115). Именно поэтому англоязычные исследователи вынуждены специально оговаривать разницу между молчанием как антонимом речи (the antonym for speech) и молчанием (тишиной) как отсутствием шума (the antonym for noise) (Jaworski 1993, Kurzon 1998, Ephratt 2011). Тишина понимается учеными как явление, внешнее по отношению к коммуникации и, следовательно, не могущее быть предметом лингвистического анализа (Ephratt 2011: 2300).

Таким образом, некоторые случаи молчания не имеют никакого отношения к коммуникации и взаимодействию между людьми и в русском языке обычно маркируются словом «тишина», другие же представляют собой индексальные знаки, то есть занимают промежуточное положение между иконами (знаки, не ориентированные на коммуникацию) и символами (языковые знаки в чистом виде), принадлежа тем самым сфере параязыка (Ephratt 2011: 2300).

Следующая подгруппа, выделяемая М. Ефратт, охватывает все случаи, когда коммуникативное молчание выполняет функцию символического знака, состоящего из нулевого означающего и особого, ненулевого означаемого (Ephratt 2011: 2300). Под таким видом молчания исследовательница понимает отсутствие речи там, где она ожидается, и где молчание перенимает на себя все ее информативные функции. Имея в виду именно эту форму молчания,

Бильмс писал: «там, где правило предписывает говорить, молчание является коммуникативным» (Bilmes 1994: 78). С точки зрения М. Савиль-Труак, «каждый компонент, который предполагает свой отдельный компонент речи, может также допускать или предписывать молчание» (Saville-Troike 1985: 14). Таким образом, случаи, когда говорящий намеренно воздерживается от речи, чтобы передать определенную информацию посредством молчания, следует отличать от всех других видов этого явления (Ephratt 2011: 2300).

М. Ефратт, в отличие от Д. Курзона, который рассматривал молчание как вербальное невокализованное явление, относит символическое молчание к сфере вербальных вокализованных языковых средств. С точки зрения М. Ефратт, невокализованными могут считаться те знаки, которые порождаются коммуникативными системами, не использующими вокальные каналы. При таком подходе язык жестов и азбука Морзе будут являться яркими примерами вербальных невокальных коммуникативных систем. Если же рассматривать символическое молчание в качестве нулевого знака, языкового символа, который находится во взаимодополнительных отношениях с речью, его следует считать частью вербальной вокализованной коммуникации (Ephratt 2011: 2300).

Молчание, кроме того, может функционировать в качестве иконического знака, то есть такого знака, который обладает теми или иными свойствами, присущими обозначаемому им объекту, вне зависимости от того, существует ли этот объект в действительности или нет. Изначально икона знаковой природой не обладает, так как она не возникает с целью обозначения чего-либо. Кроме того, в иконе, основанной на отношениях подобия между знаком и объектом, сложно провести четкую границу между означающим и означаемым (Ephratt 2011: 2303). Так, если человек теряет дар речи из-за переполняющих его эмоций, такое молчание иконично, так как говорящий замолкает вынужденно, а не с целью передать какую-либо информацию. Слушающий, однако, замечает такую остановку в речи говорящего и может

сделать из нее определенный вывод. Тем не менее необходимо помнить, что изначально такое молчание не обладает информативной направленностью в структуре общения. М. Ефратт отмечает, что подлинная икона является парадоксом в знаковой системе языка, но, поскольку те или иные формы иконичности всё же принимают участие в коммуникации, их также необходимо учитывать при изучении функционирования знаков в процессе общения (Ephratt 2011: 2303).

Анализируя молчание в экстралингвистическом контексте как знак-икону, М. Ефратт выделяет две его основные формы: 1) «непроизнесенное» (the unsaid) и 2) «пустая речь» (empty speech) (Ephratt 2011: 2303-2305). Первую форму иконического молчания можно описать словами Д. Курзона: «при таком типе молчания предмет или тема текста известны, как, возможно, и его содержание» (Kurzon 2007: 1677). Подобного рода молчание возникает в диалогическом контексте тогда, когда говорящий намеренно избегает разговора на ту или иную тему, «молчит» о ней (Ephratt 2011: 2303). Хотя со стороны говорящего такое молчание направлено не на передачу информации, а на ее сокрытие, акт молчания имеет в этом случае обратный эффект, усиливая присутствие «непроизнесенного». Как отмечает М. Ефратт, мы все обращаем внимание именно на те вопросы и проблемы, о которых политики предпочитают умалчивать, и всегда замечаем, если ученый в своей работе избегает ссылок на другого исследователя (Ephratt 2011: 2304). В то время как «непроизнесенное» понимается как знак, состоящий из нулевого означающего и ненулевого означаемого, «пустая речь», вторая форма иконического молчания, представляет собой означающее без означаемого, «пустой» знак, за которым не стоит никакого содержания. Его иконичность проявляется в том, что значение, передаваемое «пустой» речью, заключается не в самих словах, а в их «пустоте», бессодержательности.

Молчание, однако, рассматривалось и анализировалось исследователями не только с точки зрения типологии этого неоднородного явления, но и как

особое структурное образование. В этой связи стоит упомянуть пятиуровневую коммуникативно-прагматическую структуру акта молчания, разработанную С.В. Крестинским: 1) пресуппозициональное содержание, 2) пропозициональное содержание, 3) интрасилленциальное содержание, 4) имплицативное содержание, 5) постсилленциальный эффект (Крестинский 1991, Крестинский 1993).

В традиционной трактовке, опирающейся на теорию Дж. Остина, речевой акт имеет трехчастную структуру, которая соответствует группе действий, которые мы совершаем при говорении: 1) локутивный акт, или «акт говорению в полном обычном смысле этого слова» (Остин 1986: 84), а именно произнесение определенного предложения с определенным смыслом и референцией; 2) иллокутивный акт, который представляет собой использование локуции с каким-либо коммуникативным намерением (информирование, предупреждение, приказание и т.д.); 3) перлокутивный акт, под которым понимается достижение определенного эффекта посредством речевого воздействия на адресата (Остин 1986). Впоследствии Дж. Серль внес существенные изменения в теорию речевых актов Дж. Остина, разграничив иллокутивный акт и пропозициональное содержание иллокутивного акта (Серль 1986: 156). Под пропозицией Дж. Серль понимает общее содержание высказываний, которые представляют собой разные иллокутивные акты, но осуществляют референцию к одному и тому же лицу или предмету и предикцируют ему один и тот же признак (Серль 1986: 156). Можно сделать вывод, что пропозициональное содержание высказываний – это некий сгусток значения, сообщение о положении дел в мире в прошлом, настоящем и будущем. При этом пропозиция осуществляется в двух частных актах – акте референции, посредством которого высказывание соотносится с действительностью и указывает на какой-либо объект, и акте предикации, который сообщает о том, какой признак или действие приписывается этому объекту.

Определение молчания как нулевого речевого акта предполагает наличие у него коррелятов таких уровней, как пропозициональное содержание, иллокуция и перлокуция. В то же время необходимо учитывать, что специфика акта молчания заключается в отсутствии локутивного действия, собственно произнесения слов. В связи с этим С.В. Крестинский вводит новые термины для более полной характеристики акта молчания: 1) «интрасилленциальное содержание» и 2) «постсилленциальный эффект», а также учитывает его пресуппозициональное содержание.

В рамках прагматического подхода пресуппозиция понимается как нечто, что рассматривается говорящим в качестве общего знания участников коммуникации (Stalnaker 1978: 321), иными словами, как набор пропозиций, «неявно подразумеваемых ещё до начала передачи речевой информации» (Столнейкер 1985: 428). Подобной точки зрения придерживается и Н.Д. Арутюнова, рассматривающая прагматические пресуппозиции как те «предпосылки и предварительные условия, которые, не входя в языковое значение высказывания, создают почву для его употребления и позволяют достигнуть коммуникативной цели» (Арутюнова 1973: 88). Как отмечает С.В. Крестинский, в ситуациях молчания возможны два основных случая: 1) коммуниканты имеют общие пресуппозиции, и, следовательно, акт молчания несет информативную функцию и является в большей или меньше степени заместителем ненулевого речевого акта, 2) одному из коммуникантов неизвестна пресуппозиция партнера. В последнем случае молчание выступает как психологическая реакция на незнакомую пропозициональную установку собеседника, которая вступает в противоречие с собственной пропозициональной установкой, так что происходит своеобразный «конфликт пресуппозиций» отправителя и получателя. В результате этого на месте ожидаемого речевого акта может возникнуть акт молчания: партнер по коммуникации «теряет дар речи», «немееет» от возникшего эффекта неожиданности, смущается и обижается.

Все эти эмоции находят свое выражение в акте молчания (Крестинский 1991: 13-14).

Так как акт молчания не имеет локутивной формы, его пропозициональным содержанием является мысль, представленная в виде семантической структуры, но не высказанная в силу тех или иных причин (ментальная семантическая структура) (Крестинский 1993: 59-66). Лингвистический энциклопедический словарь определяет пропозицию как «семантический инвариант, общий для членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложений конструкций», стабильное семантическое ядро, чья реляционная структура состоит из предикатов и актантов (ЛЭС 1990). Таким образом, пропозициональное содержание акта молчания можно охарактеризовать как те мысли коммуниканта, которые по каким-либо причинам не актуализировались, но которые он имеет в голове в виде каких-то семантических структур в момент молчания» (Крестинский 1991: 8).

Иллокутивному и прелокутивному компонентам речевого акта в акте молчания соответствуют интрасилленциальное содержание (ИС) и постсилленциальный эффект (ПСЭ). Под ИС акта молчания понимаются те интенции, цели, состояния, коммуникативные стратегии, которые реализуются в акте молчания. ИС обуславливается всем ситуативным контекстом акта молчания и может включать следующие компоненты: интенции, стратегии, модальность, психологическое состояние и социальный статус участников коммуникации. Интенции, так же как и стратегии, указывают на намеренный характер молчания, при этом они не выходят за пределы одного силленциального акта (термин предложен С.В. Крестинским (Крестинский 1991, 1993)). Стратегии, напротив, охватывают весь фрагмент дискурса и определяют общую последовательность действий. Модальность силленциального акта предполагает субъективное отношение коммуниканта к ситуации, а также его оценочную установку. Психологическое состояние и

социальный статус коммуникантов в том или ином типе дискурса оказывают значительное влияние на интенцию, стратегию и модальность силенциального акта, и поэтому эти компоненты также необходимо учитывать при его анализе (Крестинский 1991: 9).

ПСЭ – это результат воздействия акта молчания на адресата в конкретной ситуации общения. ПСЭ акта молчания может быть разнообразным: недовольство адресата, требование ответа, изменение стратегии коммуниканта (Крестинский 1991: 9).

Импликативное содержание акта молчания является главным звеном всей его структуры, так как определенный набор импликатур, каждая из которых реализуется в конкретном контексте, непосредственно выражает значение акта молчания. С.В. Крестинский выделяет три типа импликатур, характерных для акта молчания:

1. Конвенциональные импликатуры не зависят от контекста и характерны для таких полностью конвенционализированных актов молчания, как, например, «минуты молчания». Такой акт молчания обусловлен традицией и совершается в силу договоренности в строго определенной ситуации. Арутюнова называет такое молчание «ритуальным» (Арутюнова 1994: 114).
2. Стандартные импликатуры – это импликатуры частично конвенционализированных актов молчания в стереотипных коммуникативных ситуациях типа «обида», «смущение», «приветствие», «прощание», «вопрос-удивление» и т.д. Стандартная импликатура представляет собой переходный этап от конвенциональной импликатуры к коммуникативной и может как пониматься интуитивно, на основе опыта, так и выводиться из контекста.
3. Коммуникативные импликатуры должны выводиться из контекста посредством определенных логических операций. В случае акта молчания

как стандартные, так и коммуникативные импликатуры выводятся на основе пропозиционального и интрасилленциального содержания. При этом выведение коммуникативных импликатур акта молчания всегда требует опоры на следующую информацию: 1) контекст использования молчания, 2) Принцип Кооперации, 3) фоновые знания, 4) общее знание коммуникантами всей релевантной информации (Крестинский 1991: 11-13).

Последнее положение вызывает некоторые сомнения, так как фоновые знания коммуникантов и есть разделяемое ими знание всей информации, релевантной для конкретной ситуации общения.

Исследование С.В. Крестинского позволяет сделать вывод, что акт молчания и речевой акт обладают в чем-то сходной коммуникативной структурой. Однако полностью уподоблять их друг другу было бы некорректно, так как акт молчания может передавать информацию и выполнять другие функции, аналогичные функциям речевого акта, только при наличии соответствующих субъективных контекстных условий (Крестинский 1991: 10). С этим соглашается Н.Д. Арутюнова, по мнению которой смысл молчанию придает контекст, конкретная речевая ситуация, правила социального поведения, поверья и ритуалы (Арутюнова 1994: 106-117).

Таким образом, молчание как коммуникативный акт имеет место в том случае, когда не актуализируется определенный речевой акт, а коммуникативные намерения сохраняются. Будучи включенным в структуру общения как один из его компонентов, коммуникативно значимое молчание в зависимости от контекста способно выполнять определенную знаковую функцию в вербальной коммуникации, то есть быть единицей общения, знаком.

Молчание в прагматическом аспекте рассматривала также Н.Д. Арутюнова, которая начинает свое исследование с указания на сложную и неоднородную природу этого явления: «далеко не всегда отсутствие речи может быть

квалифицировано как молчание, и, с другой стороны, молчание не обязательно имплицитно подразумевает отсутствие речевой деятельности» (Арутюнова 1994: 106). В своей статье, посвященной контекстам употребления молчания, Н.Д. Арутюнова выделяет четыре типа этого явления: молчание как речевой акт или форма поведения, молчание как симптом состояния души, молчание как отказ от мирской суеты ради прямого познания (в религиозном контексте) и молчание, вызванное ощущением бессилия слов передать духовную и природную красоту мира (Арутюнова 1994: 117).

Кроме этого, Н.Д. Арутюнова отмечает, что молчание можно рассматривать двояко: как нулевой речевой акт и как дескрипцию нулевого речевого акта, которая осуществляется средствами языка – глаголом *молчать* и его производными в русском языке (Арутюнова 1994: 106) и, соответственно, существительным *silence* и его производными в английском языке. Исследовательница отмечает, что значение глагола *молчать* толкуется через отрицательную форму предиката речи – глагола *говорить*, и, следовательно, содержит в себе внутреннее (лексическое) отрицание. Специфика внутреннего (лексического) отрицания по сравнению с отрицанием внешним (грамматическим) обуславливает отличие прагматической маркировки молчания от прагматики говорения. Глагол *молчать* маркирует регулярный и социально значимый отход от стереотипа, указывает на отклонение от нормы, при этом «внутренне отрицание приравнивает отрицательный феномен к положительному» (Арутюнова 1994: 107). Недействие (молчание), таким образом, становится эквивалентом действия (говорения) и приобретает свои собственные характеристики. Интересно отметить, что словарные дефиниции английского выражения *to be silent* также определяют его через отрицательную форму глагола говорения – *not speaking or refraining from speech* (The American Heritage Dictionary), что означает «не говорить, не производить какие-либо звуки».

Поскольку глагол *молчать* ориентирован на ненормативные ситуации, молчанию как действию сопутствуют признаки сознательности и контролируемости. Следовательно, молчание, как и любое другое ненормативное действие, подлежит утилитарной и нормативной (особенно этической оценке). Более того, для глагола *молчать* характерно функционирование в казуальном контексте, при этом он сочетается с обстоятельствами причины-мотива: *молчать из страха/в нерешительности* и т.п. (Арутюнова 1994: 106-117).

Таким образом, молчание как коммуникативный акт «адресовано, оно имеет мотив, а иногда и цель, и может соотноситься с вполне определенным содержанием» (Арутюнова 1994: 114).

2.3. Проблема классификации прагматических функций акта молчания

Конвергентный подход к изучению молчания с точки зрения разных разделов лингвистики показал, что акт молчания является полноправным компонентом процесса коммуникации. Подобно традиционному речевому акту, будучи включенным в структуру общения, он может выполнять ту или иную коммуникативную функцию. Однако молчание является настолько сложным и многогранным явлением, что неоднородные и разнообразные функции, выполняемые им в процессе общения, нашли свое отражение в целом ряде различных классификаций. При этом количество функций молчания, выделяемых разными авторами, существенно не совпадает. Хотя эти классификации в большинстве случаев носят предварительный характер, степень их важности для дальнейшего изучения молчания нельзя недооценивать, так как они образуют основу всех последующих исследований.

В самом общем виде функции молчания были намечены в работах Т. Брюно и Дж. Йенсена (Bruneau 1973, Jensen 1973), что было отражено в предыдущем

разделе нашего исследования. Если Т. Брюно, опираясь на свою таксономию молчания, пишет только о трех его функциях (психологической, коммуникативной и социальной) (Bruneau 1973), то Дж. Йенсен разрабатывает более подробную классификацию и выделяет пять основных функций молчания: 1) функцию связи, 2) функцию воздействия, 3) функцию раскрытия, 4) функцию суждения, 5) функцию действия (Jensen 1973). Функция связи заключается в способности молчания как соединять, так и изолировать партнеров по коммуникации, функция воздействия – в возможность посредством молчания оказывать на собеседника положительное или отрицательное воздействие. Под функцией раскрытия Дж. Йенсен понимает возможность коммуникантов как скрывать, так и раскрывать какую-либо информацию через молчание. Стоит отметить, что молчание обычно рассматривается как способ сокрытия и утаивания, в то время как говорению приписывается ориентированность именно на информативную сторону речи. Дж. Йенсен, напротив, показывает, что речь может быть направлена на сокрытие определенной информации, а молчание – на ее раскрытие (Ephratt 2011: 2294). Функция суждения, также выделяемая Дж. Йенсеном, состоит в выражении посредством молчания согласия или несогласия, положительной или отрицательной оценки. Последняя функция молчания, функция действия, понимается как паузы, возникающие в процессе коммуникации для осмысления услышанного, подбора нужных слов и выработки стратегии поведения (Jensen 1973).

В связи с упоминанием Дж. Йенсеном связующей функции молчания необходимо отметить, что подобную роль молчанию отводит и психология. Так, С. Бейкер в своей статье «Теория молчаний» (Baker 1955) выделяет два вида молчания – отрицательное и положительное. Первое является следствием отсутствия взаимной идентификации, то есть близости и взаимопонимания между партнерами по общению, в то время как второе указывает на наличие такой идентификации между коммуникантами. Согласно автору, необходимость в речи возникает в случае частичной

взаимной идентификации, то есть между отрицательным молчанием, а именно полным отчуждением, и молчанием положительным, являющимся показателем тесной близости. Особого внимания заслуживает идея С.Бейкера о том, что цель речи заключается в достижении позитивного молчания, которое является уже не просто фоном, но фигурой (Baker 1955: 145-167). Теория С. Бейкера, таким образом, предполагает, что молчание является результатом полного снятия напряжения между коммуникантами. Несмотря на то, что автор избегает такой трактовки, мы считаем нужным провести аналогию между такой тесной близостью и эмоциональной связью, которая устанавливается между матерью и плодом, а также между матерью и ребенком в первые месяцы после его рождения.⁵

Функция связи, выделяемая Дж. Йенсенем, также находит свои параллели в классификации, предложенной немецким лингвистом А. Стедье, который пишет о четырех основных функциях молчания: положительная обратная связь, отрицательная обратная связь, эвокативная и ролемаркирующая функции. Первые две функции основываются на характере отношений между коммуникантами, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Эвокативная функция молчания заключается в том, что оно провоцирует собеседника на ответные речевые действия, вызывает определенную обратную реакцию. Ролемаркирующая функция предполагает учет социального статуса партнеров по общению, который регламентирует их коммуникативное поведение (Stedje 1982).

Более подробная классификация была предложена С.В. Крестинским, который в своем диссертационном исследовании рассматривает следующие функции молчания: контактивную, дисконтактивную, экспрессивную, информативную, оценочную, ролевативную, когнитивную, гезитативную, экспективную, акциональную, аффективную, стратегическую, риторическую, синтаксическую, функцию социальной установки, ролемаркирующую,

---

⁵ См. Piontelli 1992: 36-37, Winnicott 1963: 179-192, Winnicott 1958: 29-36

ритуальную (всего 17 функций). В свою очередь, некоторые функции могут распадаться на ряд более детализированных, частных функций. Так, молчание в своей экспрессивной функции может служить выражением смущения, обиды, недоумения, удивления, волнения, потрясения, страха, ужаса, гнева, раскаяния, любви и т.д. (Крестинский 1993: 14-15).

Некоторые исследователи в своих работах указывают на отдельные функции молчания, не предлагая при этом исчерпывающей классификации. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает, что молчание может выполнять когнитивную функцию (по С.В. Крестинскому), но не называет ее таковой: «Молчание в ходе общения может возникать... тогда, когда нужно подумать о чем-либо и принять решение» (Арутюнова 1994: 111). Исследовательница также пишет о том, что в межличностном общении могут возникать ситуации взаимного молчания, разговора, не требующего слов, что соответствует, например, функции связи у Дж. Йенсена.

Несложно заметить, что контактивная и дисконтактивная функции С.В. Крестинского совпадают с функциями положительной и отрицательной обратной связи по А. Стедье и функцией связи у Дж. Йенсена, а аффективная функция, выделяемая С.В.Крестинским, представляет собой не что иное, как эвокативную функцию у А. Стедье или функцию воздействия у Дж. Йенсена. Таким образом, сравнение рассмотренных выше классификаций функций молчания показало, что, несмотря на имеющиеся существенные различия в трактовке авторами проблемы молчания, можно выделить и некоторые общие черты.

На наш взгляд, между проблемой выделения функций речи и проблемой классификации функций молчания как полноправного компонента коммуникации можно провести известную аналогию. Именно поэтому, с нашей точки зрения, наиболее удачной представляется классификация функций молчания, предложенная М. Ефратт и основанная на модели коммуникативных функций языка Р.Якобсона. Кроме того, М. Ефратт

различает молчание говорящего и молчание слушающего, что, как считают многие исследователи (Меликян 2005), исключительно важно (Ephratt 2008: 1909-1938). Молчание с позиции получателя речевого сообщения, безусловно, включено в структуру коммуникации, но, согласно М. Ефратт, ему сложно приписать какие-либо коммуникативные функции, так как своим молчанием слушающий не нарушает никаких конвенций ведения диалога, не отклоняется от нормы (Ephratt 2008: 1912). С этим соглашается Н.Д. Арутюнова, которая указывала на то, что «словами молчания» характеризуется именно ненормативное положение дел (Арутюнова 1994: 109).

Кроме того, М. Ефратт проводит разницу между полностью контролируемым и направленным на слушателя (*listener-oriented*) молчанием говорящего и теми паузами, которые возникают в речи для выработки стратегии речевого поведения, принятия решений⁶, а также обеспечения нормального акта дыхания (Ephratt 2008: 1912). При этом молчание, направленное на слушателя, может быть как индивидуальным (*personal*), так и институционально-коллективным (*institutional-collective*), например, молчание во время религиозных церемоний и минуты молчания.

Молчание, осознанно выбранное говорящим как средство передать то или иное сообщение, М. Ефратт называет «говорящим молчанием» (*eloquent silence*) (Ephratt 2008:1913). Функции такого молчания, согласно исследовательнице, полностью соответствуют коммуникативным функциям языка, или, если говорить точнее, функциям речи, в модели Р. Якобсона (Якобсон 1975: 193-231), а именно:

- 1) референтивной функции, которая характеризуется ориентацией на контекст и служит цели передачи информации, высказывания суждений о мире, внешнем по отношению к коммуникантам;

---

⁶ Индексальные паузы (см. предыдущий раздел)

- 2) эмотивной (экспрессивной) функции, сосредоточенной на адресанте и имеющей своей целью «прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит» (Якобсон 1975: 198);
- 3) конативной функции, ориентированной на адресата и находящей «свое чисто грамматическое выражение в звательной форме и повелительном наклонении» (Якобсон 1975: 200);
- 4) фатической (контактоустанавливающей) функции, направленной на обеспечение и поддержание коммуникации;
- 5) метаязыковой функции, центральным компонентом которой является сам язык (код): «Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код» (Якобсон 1975: 202);
- 6) поэтической функции, направленной на сообщение как таковое, сосредоточенной на нем ради него самого.

Необходимо учитывать, что не существует языковых сообщений, которым была бы свойственна только одна из перечисленных выше шести функций. Как отмечал Р. Якобсон, «различие между сообщениями заключается не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии» (Якобсон 1975: 198). Структура сообщения, таким образом, зависит прежде всего от преобладающей функции.

Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что молчание в структуре общения выполняет ряд значимых коммуникативных функций. Одна из задач нашего исследования заключается в том, чтобы проследить, как модель функций языка (речи), разработанная Р. Якобсоном, реализуется в случае молчания, рассматриваемого в качестве одного из основных компонентов коммуникации.

Выводы по главе 1

1. Научный анализ феномена молчания находит свои истоки в философии, в рамках которой было выработано противопоставление молчания тишине как явления сферы языка и языкового сознания явлению природному и физиологичному. Молчание рассматривалось философами и как необходимый фон речи, и как самостоятельная фигура, что позволяет сделать вывод о взаимодополняющем характере отношений между молчанием и речью, их диалектической взаимосвязи. По своей внутренней структуре и роли в диалоге молчание эквивалентно речи и делит с ней обращенность сознания субъекта на какой-либо объект, то есть обладает свойством интенциональности.
2. Несмотря на то, что лингвистическое изучение феномена молчания началось с области паралингвистики, это явления нельзя рассматривать только наряду с невербальными средствами. Молчание, включенное в

структуру коммуникации, обладает сложной природой и имеет несколько форм своей реализации. В частности, молчание, функционирующее как языковой знак-символ, следует относить к вербальным языковым средствам, так как оно находится с речью в парадигмальных отношениях и является неотъемлемой частью системы языка.

3. Молчание может быть как коммуникативным, то есть тем ли иным образом представленным в структуре коммуникации, так и некоммуникативным, то есть исключенным из ситуации общения. Коммуникативное молчание, в свою очередь, выступает и как пауза, тем самым относясь к сфере паралингвистических средств, и как акт молчания, который обладает коммуникативной направленностью, намеренным характером, указывает на определенное содержание и является полноправным аналогом речевого акта.
4. Подобно тому, как это происходит в речи, связь между молчанием и его значением может быть иконической, символической и индексальной. Если связь между молчанием и планом его содержания индексальна, то такое молчание реализуется в структуре коммуникации как пауза. Напротив, если связь носит символический характер, то такое молчание актуализируется в речи как силенциальный акт, или акт молчания.
5. Структурная модель акта молчания содержит пять уровней, а именно: 1) пресуппозициональное содержание, 2) пропозициональное содержание, 3) интрасиленциальное содержание, 4) имплицативное содержание, 5) постсиленциальный эффект.
6. В рамках прагматической лингвистики было предложено множество классификаций коммуникативных функций молчания. При рассмотрении данной проблемы методологически важным и теоретически оправданным представляется проведение параллелей между прагматическими функциями речи и коммуникативного молчания как ее полноправного аналога. С этой точки зрения, в качестве отправной точки дальнейшего

лингвопрагматического анализа молчания мы будем использовать классификацию коммуникативных функций языка, разработанную Р. Якобсоном в соответствии с функционально-структурной моделью речевого акта.

Глава 2. Прагматические функции молчания и их реализация в процессе коммуникации

2.1. Методика анализа коммуникативного молчания

В настоящей работе на основании изложенных в теоретической главе трактовок, классификаций и структурно-функциональных моделей коммуникативного молчания предлагается следующая методика анализа этого явления в структуре диалога и дискурса в целом:

1. Выделение минимального смыслового контекста, содержащего коммуникативное молчание.
2. Определение принадлежности молчания адресанту или адресату. При этом анализ соответствующей функции коммуникативного молчания будет проводиться только в случае принадлежности молчания адресанту.
3. Выяснение, является ли молчание индивидуальным или институционально-коллективным.

4. Анализ вербального контекста, нахождение маркеров молчания (слов молчания), а также вербальных и невербальных маркеров определенной функции (референтивной, эмотивной, конативной, фатической, поэтической, метаязыковой).
5. Анализ пресуппозиций собеседников, коммуникативных намерений адресанта молчания, попытка реконструировать пропозициональное содержание молчания, анализ постсиленциального эффекта.

2.2 Анализ коммуникативного молчания с точки зрения его основной прагматической функции

2.2.1 Референтивная функция молчания

В большинстве случаев основная цель межличностной коммуникации, как прямой, так и опосредованной техническими средствами или средствами массовой информации, как формальной, так и неформальной, заключается в сообщении какой-либо информации. Обмен пропозициями, или суждениями о положении дел в мире, подразумевает использование языка. В основе референтивной функции языка, таким образом, лежит установка на контекст, направленность на передачу информации о мире в прошлом, настоящем и будущем.

Однако можно ли посредством молчания как нулевого знака языкового общения выносить какие-либо суждения о мире? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала прояснить сущность нулевого знака. Вслед за Ш. Балли, Р. Якобсон определяет нулевой знак как знак, имеющий определенную значимость, но не воплощенный в реальных звуках (Якобсон 1985: 222-230). Такая трактовка в первую очередь опирается на структурный метод в языкознании и теорию парадигматических отношений, которую разрабатывал Р. Якобсон. Опираясь на идеи Ф. де Соссюра, Р. Якобсон утверждает, что «язык довольствуется противопоставлением наличия признака его отсутствию, и именно это "отсутствие", противопоставляемое

"наличию", иначе говоря, нулевой знак, послужило отправной точкой для развития ряда плодотворных идей Шарля Балли» (Якобсон 1985: 222). Нулевой знак является одним из основных понятий морфологии. Так, нулевое окончание существительных в разных языках может передавать значение категорий рода, числа и падежа (*супруг* (им. п, ед. ч, м. р) – *супруга* (им. п., ед. ч., ж. р., или р. п., ед. ч., м. р., или вин. п., ед. ч., м. р.) и т.д.; *dog* (singular) – *dogs* (plural)).

Таким образом, молчание как нулевой языковой знак представляет собой значимое отсутствие, то есть такое отсутствие, посредством которого может быть передана какая-либо информация. При этом говорить о референтивной функции молчания можно только в том случае, если говорящий намеренно использует молчание для передачи определенного содержания. То, что молчание в качестве элемента общения может выполнять референтивную функцию, подтверждается следующими примерами:

(1) “*And where do you live? Where are your friends?*”

I was silent.

“*Can we send for anyone you know?*”

I shook my head [Bronte URL: <https://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm>].

В примере (1) героиня романа Шарлотты Бронте Джейн Эйр после нескольких дней скитаний и бесплодных попыток найти себе пристанище попадает в дом священника Сент-Джона Риверса и двух его сестер, где представляется вымышленным именем. Священник и его домочадцы пытаются узнать что-то о прошлом Джейн Эйр, но безуспешно. На их вопросы она отвечает молчанием.

Данный пример представляет особый интерес в том числе и потому, что в нем представлены два акта молчания. И в первом, и во втором случае молчание исходит от индивидуального адресанта (Джейн Эйр), но если в первом случае оно маркируется прилагательным *silent*, то во втором –

указанием на кинетическое средство невербальной коммуникации (*shook my head*). Пресуппозиция священника Риверса в первом случае: у каждого человека должны быть близкие друзья или родственники, и если у девушки, которую они приютили, они обнаружатся, то им необходимо немедленно написать и сообщить о ее положении. При этом на вопрос Риверса о том, где живут ее близкие, Джейн Эйр отвечает молчанием. Пропозицией этого акта молчания будет мысль, которая возникла у героини в ответ на вопрос священника. Экспликация содержания, то есть реконструкция пропозиции данного акта молчания, может иметь следующий вид: «У меня нет близких людей, я совершенно одна». Именно так молчание героини воспринимает Риверс, который меняет тактику речевого поведения и спрашивает, можно ли послать за кем-нибудь, с кем Джейн Эйр знакома, если близких у нее нет, что и является постсиленциальным эффектом данного акта молчания.

Пресуппозиция Риверса во втором случае: если у Джейн Эйр нет близких, у неё должны быть знакомые, к которым можно обратиться за помощью. Пропозиция второго акта молчания может быть реконструирована следующим образом: «У меня нет знакомых, к которым я могла бы обратиться». Необходимо отметить, что второй акт молчания в данном примере сопровождается жестом невербальной коммуникации, который и позволяет однозначно интерпретировать молчание героини.

Следующий пример относится к католическому и протестантскому обряду венчания, во время которого священник обращается к присутствующим со следующими словами:

(2) *If any person here can show cause why these two people should not be joined in holy matrimony, speak now or forever **hold your peace*** [URL: <http://www.dotcomwomen.com/weddings/traditional-wedding-vows-samples-for-your-ceremony/9078/>].

В примере (2) маркером акта молчания является устойчивое сочетание *hold your peace*, которое определяется словарем как *remain **silent** about something* (Oxford English Dictionary). За словами священника стоит следующая

пресуппозиция: если существуют какие-либо препятствия для заключения законного брака, обряд венчания будет считаться недействительным в глазах церкви и Бога, а, следовательно, об этих препятствиях необходимо сообщить.

Молчание участников церемонии, которое в большинстве случаев следует за данными в примере (2) словами священника, можно рассматривать и в качестве коллективного, и в качестве индивидуального, как если бы каждый из присутствующих одновременно произнес: «Нет, я не могу привести ни одной веской причины против заключения этого брака», что и будет являться пропозицией данного акта молчания. Постсиленциальный эффект молчания в подобном контексте будет выражаться в продолжении венчального обряда, который с этого момента может считаться законным.

До сих пор в приведенных примерах акт молчания реализовывался как знак-символ, действие которого основано на условной, конвенциональной связи между означающим и означаемым. Однако в некоторых случаях акт молчания может быть представлен иконическими знаками, или знаками-подобиями (Pierce 1965), которые обладают определенным сходством с референтом и, следовательно, являются менее условными, чем знаки-символы. Анализ примеров показал, что в большинстве контекстов, где молчание-икона выполняет референтивную функцию, оно указывает на смерть, исчезновение и отсутствие, так как в сознании носителей и русского (Арутюнова 1994: 114), и английского языков речь ассоциируется с жизнью и присутствием, а молчание – со смертью и отсутствием: *silence – absence of sound or noise* (Merriam-Webster); *dead silence; silent as the dead, silent as the grave; the dead do not speak; Like death, they are forever silent* [Lloyd 2014: 35].

(3) *Eugenius was convinced from this, that the heart of his friend was broke: he squeezed his hand,—and then walked softly out of the room, weeping as he walked. Yorick followed Eugenius with his eyes to the door,—he then closed them, and never opened them more* [Sterne: 24-25].

Пример (3) взят из издания книги Лоресна Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (Sterne 1759/1964), в которой автор прибегает к

графическим способам передачи красноречивого молчания. Так, за последними словами примера (3) следует пустая страница, содержащая только колонтитул с именем автора и номером страницы. Все остальное – пустота, то есть молчание, переданное графическими способами. Индивидуальный адресант молчания – сам повествователь, при этом молчания в данном случае сообщает читателю о смерти священника Йорика, то есть выполняет референтивную функцию за счет своей ассоциативной связи со смертью и отсутствием. Адресатом силенциального акта примера (3) выступает читатель, которому таким образом передается определенное пропозициональное содержание, а именно смерть. Безусловно, настоящему акту молчания также свойственна и эмотивная функция, основная цель которой заключается в выражении говорящим своего отношения к сообщаемому. С нашей точки зрения, однако, преобладающей функцией акта молчания примера (3) является не эмотивная, но референтивная функция, направленная на передачу информации.

Если в примере (3) мы имеем дело с таким видом иконического молчания, как «непроизнесенное» (the unsaid), то примеры (4), (5), (6) позволяет нам проанализировать второй вид молчания-иконы – пустую речь (empty speech):

(4) *The rabid little American I call Paul Lazzaro in this book had about a quart of diamonds and emeralds and rubies and so on. He had taken these from dead people in the cellars of Dresden. **So it goes.***

(5) *So he was hoisted into the air and the floor of the car went down, dropped out from under him, and the top of the car squashed him. **So it goes.***

(6) *And what do the birds say? All there is to say about a massacre, things like 'Poo-tee-weet? ' [Vonnegut URL: <https://d3jc3ahdjad7x7.cloudfront.net/Yl23Al9Pz9PA3NJyumF35vHcWw2IHEtwhFknsYdWWNVjovdc.pdf>]*

Пример (3) представлял собой яркий случай красноречивого иконического молчания, то есть знака, состоящего из нулевого означающего и ненулевого означаемого, в то время как пустую речь в примерах (4), (5), (6) можно

охарактеризовать как означающее без означаемого. О пустой речи А. Яворски пишет следующее: «речь в этом случае представляет собой отсутствие ожидаемого молчания (о чем-то)» (Jaworski 1993: 76). Точно также к этой проблеме подходит М. Савиль-Труак: «можно произносить слова, при этом ничего не говоря» (Saville-Troike 1985: 6).

Пустая речь в примерах (4), (5), (6) принадлежит автору-повествователю, то есть имеет индивидуального адресанта. Ничего не значащее, пустое выражение *so it goes* и птичье чириканье *po-tee-weet* своей пустотой тем не менее указывают на абсурдность войны и смерти, непознаваемость и хаотичность мира, лежащего вне человеческого «я». Автор-персонаж, который на протяжении всего действия книги пытается написать роман о бомбардировке Дрездена союзниками в 1945, отказывается от эстетизации войны и смерти, признавая принципиальную невыразимость абсурда словами. Повествователь, напрямую ничего не говоря об абсурде и хаосе войны и смерти, тем не менее указывает на их пустоту и непознаваемость через пустой же знак-икону – пустую речь.

2.2.2 Эмотивная функция молчания

В лингвистических исследованиях категория эмотивности трактуется как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы» (Шаховский 2008: 5). Из этого можно сделать вывод, что языку внутренне присуща эмотивная функция, которая имеет своей целью выражение психологического состояния говорящего, его чувств и эмоций в конкретном речевом высказывании. Согласно Р. Якобсону, эмотивная функция в первую очередь «связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» (Якобсон 1975: 198). Как показал проведенный анализ, эмотивную функцию может выполнять не только речевой, но и силенциальный акт в тех случаях, когда

говорящий посредством молчания выражает свой эмоциональный опыт и определенные психологические состояния. Необходимо отметить, что в отдельных ситуациях молчание может рассматриваться говорящим как наиболее соответствующий, или даже единственно возможный, способ презентации эмоций и эмоциональных событий. Таким образом, молчание, служащее средством передачи психологических состояний адресанта, следует рассматривать как эмотив, то есть особую единицу речи, обладающую свойством выражать эмоциональные переживания.

Анализ соответствующих примеров позволил доказать выдвинутую нами гипотезу о том, что прагматические функции акта молчания соответствуют коммуникативным функциям языка в модели Р. Якобсона, а также привел к необходимости обозначить несколько важных характеристик, присущих молчанию как эмотиву.

Так, в следующем примере акт молчания используется говорящим с целью передачи таких эмоций, как раздражение, негодование и гнев, что доказывает обоснованность трактовки молчания как одного из эмотивных средств:

(7) *She looked at him, getting his meaning through the fog of the dialect.*

'Why don't you speak ordinary English?' she said coldly.

'Me! Ah thowt it wor ordinary.'

*She was **silent** for a few moments in **anger**.*

'So if yer want t' key, yer'd better ta'e it. Or 'appen Ah'd better gi'e

't yer termorrer, an' clear all t' stuff aht fust. Would that du for yer?'

*She became more **angry** [Lawrence URL: <http://www.gutenberg.net.au/ebooks01/0100181.txt>].*

Участники диалога примера (7) – аристократка Констанция Чаттерлей и лесничий Оливер Меллорс, который является в известном смысле билингом: он свободно переходит от дербиширского диалекта к литературной норме.

Молчание в представленном примере принадлежит индивидуальному адресанту (Констанции Чаттерлей) и маркируется прилагательным *silent* в синтаксической функции предикатива. Непосредственно предшествующая молчанию реплика Меллорса представляет собой пример иронии как косвенного речевого акта, импликатура которого может быть сформулирована следующим образом: «Я знаю, что я говорю не на литературном английском; более того, я делаю это намеренно». Молчание героини, последовавшее за ироническим выпадом Меллорса, носит намеренный характер и выполняет эмотивную функцию, маркером которой выступает существительное *anger* и прилагательное *angry*. Реконструкция пропозиционального содержания данного акта молчания может иметь следующий вид: «Я возмущена тем, что ты говоришь на диалекте и используешь иронию в беседе со мной», то есть своим молчанием героиня выражает определенную эмоцию. Коммуникативное намерение молчащего участника диалога – выразить свое эмоциональное состояние и заставить собеседника перейти от диалектной речи к литературной норме.

В рамках лингвокультурологической парадигмы особый интерес представляет проблема культурной обусловленности выражения эмоций и психологических состояний. Следующий пример служит иллюстрацией того, что способ презентации эмоций конституируется определенными социокультурными параметрами:

(8) *We were among a congregation of mourners. <...> A woman sat on the ground with what was left of her baby in her lap; with a kind of modesty she had covered it with her straw peasant hat. She was still and **silent**, and what struck me most in the square was the **silence**. It was like a church I had once visited during Mass – the only sounds came from those who served, except where here and there the Europeans wept and implored and fell **silent** again as though shamed by the modesty, patience and propriety of the East [Greene: 153-154].*

Пример (8) описывает центральную площадь вьетнамского города Сайгона после теракта, приуроченного к военному параду. Выделенные участники ситуации – повествователь, британский военный репортер, и вьетнамская крестьянка, потерявшая ребенка в результате взрыва. Для представителя западной культуры социально ожидаемое поведение в данном случае предполагает не молчание (*and what struck me most in the square*), но громкое выражение своих чувств и эмоциональных переживаний, однако вьетнамка не произносит ни слова, что более характерно для культуры Востока и Азии (*modesty, patience and propriety of the East*). Такое отклонение от европейского социального стереотипа не только маркирует социокультурную обусловленность презентации эмоций, но и указывает на то, что определенный эмоциональный опыт просто невозможно передать словами. Именно молчание в настоящем примере выступает наиболее соответствующим ситуации способом передачи психологического состояния, что позволяет повествователю сопоставить молчание вьетнамки и тишину на площади с тишиной в церкви во время службы и молчанием представителей европейской культуры, словно пристыженных скромностью и терпением Востока.

Однако и в англоязычной лингвокультуре молчание может рассматриваться в качестве единственно возможного средства передачи определенных эмоций:

(9) *She would go into the maids' bedrooms at night and find them sealed like ovens, except for Marie's, the Swiss girl, who would rather go without a bath than without fresh air; but then at home, she had said, "the mountains are so beautiful." She had said that last night looking out of the window with tears in her eyes. "The mountains are so beautiful." Her father was dying there, Mrs. Ramsay knew. He was leaving them fatherless. Scolding and demonstrating (how to make a bed, how to open a window, with hands that shut and spread like a Frenchwoman's) all had folded itself quietly about her, when the girl spoke, as, after a flight through the sunshine the wings of a bird fold themselves quietly and the blue of its plumage changes from bright steel to soft purple. She had stood there **silent** for*

*there was **nothing to be said**. He had cancer of the throat [Woolf URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks01/0100101.txt>].*

Участники силенциального акта примера (9) – хозяйка дома миссис Рамзи и одна из ее горничных, у которой в Швейцарии от рака горла умирает отец. Молчание, маркируемое прилагательным *silent*, принадлежит индивидуальному адресату миссис Рамзи, коммуникативное намерение которой – выразить сочувствие собеседнику по поводу болезни и смерти близкого человека. Как и в предыдущем примере, молчание рассматривается участниками ситуации как наиболее адекватный способ выражения внутренних состояний, в данном случае – сочувствия и сопереживания (*there was nothing to be said*).

Необходимо иметь в виду, что акт молчания, выполняющий эмотивную функцию, не всегда прямо или косвенно связан со смертью или выражением соболезнования по поводу потери близкого. Иллюстрацией этому может служить следующий пример:

(10) *“I came to see you two.”*

His voice was thick. His throat was hurting him now though it had received no wound.

“I came to see you two.”

***Words could not express the dull pain** of these things. He fell **silent**, while the vivid stars were spilt and danced all ways [Golding: 225].*

В примере (10) один из участников ситуации, Ральф, понимает, что близнецы Эрик и Сэм из-за страха перед дикарями перешли на их сторону и теперь в качестве часовых стоят на посту. Индивидуальным адресантом силенциального акта в настоящем примере выступает Ральф, а его маркером – существительное *silent*. На соответствующую функцию акта молчания указывает эмоционально маркированное существительное *pain*. Эмоции, испытываемые молчащим участником ситуации, настолько сильны, что слова

бессильны их выразить (*words could not express*), и именно поэтому только акт молчания, как и в примерах (8), (9), способен выступать в качестве эмотива, то есть средства передачи внутреннего состояния.

Кроме того, силенциальный акт может выражать не только отрицательные, но и положительные эмоции, такие как восхищение, восторг:

*(11) Mr Hynes sat down again on the table. When he had finished his recitation there was a **silence** and then a burst of clapping: even Mr Lyons clapped. The applause continued for a little time. When it had ceased all the auditors drank from their bottles in **silence** [Joyce: 144-145].*

Действие рассказа Джеймса Джойса «В день плюща», из которого взят пример (11), происходит 6 октября, в день годовщины смерти Ч.С. Парнелла, ирландского политического деятеля XIX века, боровшегося за независимость Ирландии от Великобритании. Место действия – комната, в которой было принято решение об отставке Парнелла. Повествование рассказа сюжетно-тематически связано с конкретной исторической обстановкой в Ирландии начала XX-ого века, а именно с выборами в муниципальный городской совет. Пример (11) описывает состояние находящихся в комнате политиков и общественных деятелей после того, как один из участников ситуации, журналист, зачитывает посвященные Парнеллу стихи, на самом деле являющиеся немного измененным ранним текстом самого Джойса (Антонова 1999). Аплодисменты в данном контексте служили бы несомненным признаком признания достоинств стихотворения, высокой его оценки, однако участники ситуации, адресанты коллективного силенциального акта, сначала отвечают молчанием, которое при этом не сопровождается аплодисментами, и лишь затем начинают хлопать в ладоши в знак восхищения. Очевидно, что в настоящем примере молчание следует расценивать не как равнодушие и пренебрежение, но, наоборот, как выражение эмоционального опыта настолько сильного, что словами его передать невозможно, а хлопки

ладонями как конвенциональное выражение восхищения представляются избыточными и ненужными. Именно поэтому после взрыва аплодисментов участники ситуации вновь на какое-то время погружаются в молчание. При этом стоит иметь в виду, что стихи на годовщину смерти Парнелла введены в рассказ для создания контраста между пустыми коллизиями политической жизни Ирландии начала века и миром исторического предания, связанного с идеей свободы и независимости (Антонова 1999). В соответствии со структурой рассказа молчание в примере (11) можно рассматривать не только как восхищение художественными достоинствами зачитанного стихотворения, но и как признание пустоты и бессмысленности современной участникам ситуации политики, движимой в первую очередь денежными расчетами. Таким образом, проведенный нами анализ доказывает, что значение силенциального акта всегда является контекстуально обусловленным.

2.2.3 Конативная функция молчания

В модели коммуникативного акта по Р. Якобсону конативная функция проявляется в установке говорящего на адресата (слушающего), стремлении воздействовать на него тем или иным образом. Если референтивная функция ориентирована в первую очередь на контекст (внешний мир – третье лицо), а эмотивная – на адресанта, отправителя сообщения (первое лицо), то своеобразной «вершиной» конативной функции является получатель сообщения (второе лицо). Как отмечал Р. Якобсон, конативная функция в основном реализуется в звательной форме и повелительном наклонении, то есть в прямой апелляции к адресату (Якобсон 1975: 200).

Таким образом, главная цель речевых или силенциальных актов, выполняющих не референтивную, но конативную функцию, заключается не в обмене пропозициями (истинными или ложными) о положении дел в мире, но, напротив, в оказании непосредственного воздействия на адресата. В

соответствии с проведенным анализом можно выделить несколько типов силенциального акта, осуществляющего конативную функцию.

К первому типу относится молчание как дискурсивный маркер, то есть «приём, работающий на уровне дискурса», инструмент его структурирования, который при этом «не зависит от более мелких единиц коммуникации», и «не несет какого-либо социального и/или экспрессивного значения» (Schiffrin 1987: 37, 318):

*(12) Gradually as the last glasses were being filled the conversation ceased. A pause followed, broken only by the noise of the wine and by unsettling of chairs. The Misses Morkan, all three, looked down at the tablecloth. Some one coughed once or twice, and then a few gentlemen patted the table gently as a signal for **silence**. The **silence** came and Gabriel pushed back his chair and stood up <...>*

He began:

“Ladies and Gentlemen,

“It has fallen to my lot this evening, as in years past, to perform a very pleasing task but a task for which I am afraid my poor powers as a speaker are all too inadequate” [Joyce 1982: 201].

Коллективным адресантом молчания в примере (12) выступают гости рождественского бала, который дают в своем доме три мисс Моркан. Адресат молчания – участник ситуации по имени Гэбриэл, которому предстоит выступить с поздравительной речью. Силенциальный акт в данном случае является маркером смены коммуникативных ролей, так как интенция молчащих участников ситуации заключается в том, чтобы пригласить Гэбриела взять слово и начать свою речь, то есть самому выступить в роли адресанта. Постсиленциальный эффект реализуется в оказании прямого воздействия на адресата и соответствующей смене коммуникативных ролей по вектору Адресат $\rightleftharpoons$ Адресант. Таким образом, силенциальный акт, который, формируя разговорную структуру, выступает в качестве дискурсивного маркера, необходимо рассматривать как частный случай коммуникативного молчания, выполняющего конативную функцию.

Вслед за М. Ефратт (Ephratt 2011: 2298-2299) мы предлагаем относить следующий тип конативного молчания к знакам-индексам, которые в структуре общения служат одновременно для обеспечения как коммуникативных (передача информации, оказание воздействия на собеседника и т.д.), так некоммунитивных функций:

(13) *“Ladies and Gentlemen, it is not the first time that we have gathered together under this hospitable roof, around this hospitable board. It is not the first time that we have been the recipients—or perhaps, I had better say, the victims—of the hospitality of certain good ladies.” He made a circle in the air with his arm and **paused**. Everyone laughed or smiled at Aunt Kate and Aunt Julia and Mary Jane who all turned crimson with pleasure. Gabriel went on more boldly <...> [Joyce 1982: 202].*

В примере (13) акт молчания реализуется в качестве индексальной паузы, что на лексическом уровне маркируется глаголом *pause*. Индексальный характер настоящего силенциального акта проявляется в том, что, с одной стороны, он дает слушающим время осмыслить слова говорящего и понять его иронию, то есть обеспечивает некоммунитивную (а именно когнитивную) функцию, но, с другой стороны, этот же акт молчания оказывает определенное коммуникативное воздействие на адресатов, то есть выполняет конативную функцию. Говорящий замолкает в первую очередь потому, что хочет побудить слушающих обратить особое внимание на его слова, осмыслить заключенную в них иронию. Именно в этом заключается коммуникативное намерение силенциального акта в рассматриваемом нами примере, а его пропозициональное содержание может быть реконструировано следующим образом: «Я осознаю, что мои слова не так просто понять, и я замолкаю, потому что хочу, чтобы вы, слушающие, придали им особое значение и оценили мою иронию». Таким образом, индексальные паузы, которым можно приписать ту или иную коммуникативную функцию, следует рассматривать в качестве одного из возможных видов силенциального акта.

Акт молчания, ориентированный в первую очередь на оказание определенного воздействия на адресата, может также функционировать в

качестве знака, осуществляющего только коммуникативные функции – знака-символа:

*(14) ... an American woman tried to sit here the other night with bare shoulders and they drove her away by coming to stare at her, quite **silently**; they were like circling gulls coming back and back to her until she left [Waugh 1945: 59-60].*

Адресантами силенциального акта в примере (14) являются аристократы-англичане, герои романа Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед», которые, не произнося ни слова, одним своим красноречивым молчанием и настойчивыми взглядами заставили американку выйти из залы, поскольку она позволила себе появиться в обществе с открытыми плечами. Рассматриваемый силенциальный акт характеризуется ориентацией на адресата, апелляцией к нему с целью вызвать определенное действие, а именно – покинуть залу. Настоящий акт молчания может быть потенциально вербализирован следующим образом: «Мы требуем, чтобы вы немедленно ушли, так как ваш внешний вид не соответствует требованиям того общества, в котором вы находитесь».

Следующий вид ориентированного на адресата силенциального акта мы предлагаем называть концептуально-превентивным, так как он непосредственно связан с понятием табу – запретом на произнесение определенных имен или слов, употребление которых может пробудить некую таинственную, мистическую силу. Табу всегда амбивалентно, то есть связано с представлениями о чем-то одновременно святом и опасном, священном и нечистом. Ограничения, предписываемые табу, укоренены в наиболее архаичных пластах сознания и потому не поддаются рациональному обоснованию, однако для тех, кто полностью подчиняется власти табу, запреты на определенные лица, вещи или имена кажутся чем-то само собой разумеющимся (Фрейд 2012: 439). На более современном этапе развития общества и языка амбивалентный характер табу проявляется в запрете

произнесения имени бога всуе: «Thou shalt not take the name of the Lord thy God in vain» (Exodus, 20:7), а также в суеверных представлениях о том, что упоминание имени дьявола может навлечь на человека беду. Нетрудно заметить, что в описанных случаях молчание является частью культурного кода той или иной нации, формирует систему культурных координат, при этом его направленность на предотвращение определенных действий со стороны адресата, реального или воображаемого, позволяет нам приписать такому молчанию не только культурную обусловленность, но и конативную функцию.

Концептуально-превентивное молчание имеет разные формы реализации в структуре общения. В первом и наиболее репрезентативном случае говорящий, избегая наименования определенных сущностей, указывает на них молчанием:

(15) Presently Ralph rose to his feet, looking at the place where the savages had vanished.

*Samneric came, talking in an **awed** whisper.*

“I thought it was...”

“...and I was...”

*“...**scared**” [Golding 2005:168].*

В аллегорическом романе У. Голдинга «Повелитель мух» английские подростки, оказавшиеся в результате авиакатастрофы на необитаемом острове, сравниваются с членами первобытного общества на раннем этапе развития человечества. Таким образом автор проводит своеобразную параллель между онтогенезом и филогенезом, между ребенком и дикарем (Rosenfield 1961: 93-101). Проецируя свои внутренние страхи в окружающее их пространство, дети создают образ Зверя, страх перед которым выливается в примитивные ритуалы и инстинктивные табу. Именно эти бессознательные процессы находят свое отражение в примере (15), где близнецы Сэм и Эрик, адресанты молчания, избегают упоминания имени Зверя из-за страха перед ним, что маркируется прилагательными *awed* и *scared*.

Во втором случае концептуально-превентивное молчание реализуется через употребление слов или описательных конструкций с размытой, максимально широкой, а потому потенциально пустой семантикой, что можно отнести к уже выделенной нами категории «пустой речи» (empty speech):

(16) *There was a slithering noise high above them, the sound of someone taking giant and dangerous strides on rock or ash. Then Jack found them, and was **shivering** and **croaking in a voice** they could just recognize as his.*

*“I saw a **thing** on top.”*

<...>

*“I saw a **thing** bulge on the mountain.”*

*“You only imagined it,” said Ralph **shakily**, “because nothing would bulge. Not any sort of creature” [Golding 2005: 145].*

(17) *“... and until Hagrid told me, I didn't know anything about being a wizard or about my parents or Voldemort”*

Ron gasped.

“What?” said Harry.

*“You said **You-Know-Who's name!**” said Ron, sounding both **shocked** and **impressed**. “I'd have thought you, of all people—” [Rowling URL: <http://www2.sdfi.edu.cn/netclass/jiaolan/englit/download/Harry%20Potter%20and%20the%20Sorcerer%27s%20Stone.pdf>].*

В примере (16) указание на источник темной и опасной силы осуществляется через существительное *thing*, которое Оксфордский словарь определяет как *an object that one need not, cannot, or does not wish to give a specific name to* (Oxford English Dictionary Online), а в примере (17) – через описательную конструкцию с атрибутивным придаточным (object clause) *You-Know-Who's name*. Индивидуальные адресанты концептуально-превентивного молчаливого акта руководствуются страхом перед необъяснимым и избегают прямого упоминания разрушительной и рационально непостижимой силы с целью не допустить ее проявления, то есть стремятся оказать превентивное воздействие на своего адресата.

Таким образом, коммуникативное молчание, осуществляющее конативную функцию, в конкретной речевой ситуации может реализовываться как дискурсивный маркер, как знак-индекс или знак-символ, а также в качестве концептуально-превентивного молчания.

2.2.4 Фатическая функция молчания

В традиционной модели речевого акта, особенно четко представленной в работах К. Бюллера (Bühler 1934), выделялись только три коммуникативные функции языка – референтивная, эмотивная, конативная, которые и были описаны нами в предыдущих разделах как в равной степени присущие и акту молчания. Данная модель предполагает три «вершины»: первое лицо – говорящий (адресант) как фокус эмотивной функции, второе лицо – слушающий (адресат), на которого ориентирована конативная функция, и, наконец, «третье лицо» – некто или нечто, о чем идет речь, то есть фокус референтивной функции. Однако Р. Якобсон различает ещё три конститутивных элемента речевой коммуникации и, соответственно, ещё три коммуникативные функции языка (Якобсон 1975: 200-201). Главная цель первой из них, фатической, заключается в поддержании коммуникации, а потому она реализуется с помощью сообщений, «основное назначение которых – установить, продолжить, или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи («Алло, вы меня слышите?»)» (Якобсон 1975: 201). Помимо этого, Р. Якобсон отмечает, что именно фатическая функция языка является общей для людей и говорящих птиц, и именно эту функцию дети усваивают первой, из чего можно сделать вывод, что стремление вступить в коммуникацию проявляется раньше способности обмениваться информативными сообщениями (Якобсон 1975: 201). Фатическая функция, таким образом, характеризуется направленностью на контакт, а именно на вступление в него, его поддержку или прерывание.

Термин «фатическое общение», или «фатическая коммуникация» (phatic communication), был впервые введен Б. Малиновским, который отмечал, что

«фатическое общение» направлено на создание «уз общности» и является выражением присущего человеческой природе стремления к социальности (Malinowski 1972: 146). Согласно Б. Малиновскому, фатическая функция не служит цели обмена мыслями, идеями, какими-либо информативными сообщениями, но, напротив, удовлетворяет прежде всего потребность в социальном контакте, устанавливает социальные связи между людьми (Malinowski 1972).

Фатическая функция является неотъемлемой частью основного принципа речевого этикета – принципа вежливости, обоснованного и описанного Дж. Личем в работе «Принципы прагматики» (Leech 1983). Принцип вежливости представляет собой совокупность ряда коммуникативных максим – такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии, которые дополняет фатическая максима. Дж. Лич определяет фатическую максиму как «Поддерживай разговор» («Go on talking») в позитивной формулировке и «Избегай молчания» («Avoid silence») – в негативной (Leech 1983: 141-142). Автор также предполагает, что принцип «Избегай молчания» может рассматриваться как особый случай максим симпатии и согласия (Leech 1983: 1942).

Опираясь на теорию межличностного молчания, предложенную С. Бейкером (Baker 1955), мы предлагаем различать следующие виды силинциального акта в фатической функции – молчание отрицательное и молчание положительное, или молчание дисконтактное и контактное. О положительном молчании С. Бейкер пишет: «Лежащая в основе речи неосознанная и непредумышленная цель заключается не в обеспечении непрерывности речевого потока, но в достижении молчания, так как состояние психологического равновесия, характеризующееся снятием межличностного психологического напряжения, возможно только тогда, когда была достигнута позиция S+ (положительное молчание) в поле речевой деятельности» (Baker 1955: 161). Что касается самой речи, автор отводит ей

место между S- и S+, то есть между отрицательным молчанием, указывающим на отсутствие контакта и взаимопонимания между коммуникантами, и положительным молчанием как симптомом снятия психологического напряжения и достижения участниками общения полной взаимной идентификации (Baker 1995). Косвенное подтверждение этой идеи можно найти в антропологических исследованиях, посвященных изучению особенностей репрезентации феномена молчания в разных этнических общностях. Так, одно из исследований было проведено на материале культуры и быта индейцев племени западные апачи (Western Apache). Автору работы удалось доказать, что молчание в рамках данной племенной группы в первую очередь характерно для тех коммуникативных ситуаций, в которых статус основных коммуникантов неясен, то есть предустановленные ролевые ожидания перестают работать. Таким образом, молчание в культуре западных апачи возникает в качестве реакции на неясность и неопределенность социальных ролей основных участников коммуникации, иначе говоря, как ответ на отсутствие взаимной идентификации между коммуникантами (Basso 1970: 213-230).

Теоретически обосновав разницу между отрицательным и положительным молчанием в фатической функции, обратимся к анализу примеров:

(18) *"I love love," she said, closing her eyes. I promised her beautiful love. I gloated over her. Our stories were told; we subsided into **silence** and sweet anticipatory thoughts. It was as simple as that. You could have all your Peaches and Bettys and Marylous and Ritas and Camilles and Inezes in this world; this was **my girl and my kind of girlsoul**, and I told her that [Kerouac 2000: 74].*

В примере (18) раскрываются две стадии достижения взаимопонимания между коммуникантами из трех (первая подразумевает молчание незнакомцев при встрече), а именно обмен информативными речевыми сообщениями (*our stories were told*) и, наконец, «погружение» в молчание как следствие снятия взаимного напряжения (*we subsided into silence and sweet*

anticipatory thoughts). Представленный в примере (18) силенциальный акт носит обоюдный характер, то есть исходит от двух участников коммуникации, каждый из которых является одновременно и адресатом, и адресантом акта молчания. Маркером фатической функции выступают эксплицитные указания на полную взаимную идентификацию участников коммуникативной ситуации, включение партнера по коммуникацию в сферу «своего» мира в противоположность миру «чужих» (*you could have all your Bettys, my girl, my kind of girlsoul*). Согласно лингвистическим исследованиям, семиотическая универсалия «свой-чужой» является неотъемлемой частью как коллективной, так и индивидуальной картины мира, и актуализируется в языке средствами разных уровней (Емельянова 2012: 43). Анализ настоящего примера показывает, что достижение взаимной идентификации, то есть включение партнера по коммуникации в «свой» мир как мир невраждебный, познаваемый, понятный и близкий на психологическом уровне, является основной характеристикой положительного силенциального акта, осуществляющего фатическую функцию.

(19) *This tender relationship was almost **mute**. They rarely if ever talked, and if they did, of only the most trivial domestic things. They knew it was that warm, **silent** co-presence in the darkness that mattered [Fowles URL: http://gigy.weebly.com/uploads/5/9/4/4/5944278/john_fowles_the_french_lieutenants_woman.pdf].*

В примере (19) описываются взаимоотношения, установившиеся между двумя персонажами романа Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» - Сарой и страдающей малокровием горничной Милли. Автор подчеркивает бессловесный (*silent co-presence, mute*), «нежный» (*tender*) и интуитивный характер женской привязанности, которая по этим признакам может быть противопоставлена рациональным отношениям и «интеллектуальному братству» мужских персонажей романа – Чарльза и доктора Грогана (Lenz 2008: 126). Если эти герои проводят свое время в интеллектуальных беседах и строят свои отношения на рациональных основаниях, то Сара на интуитивном, подсознательном уровне чувствует страдания, которые приносит Милли её болезнь, и полностью их разделяет.

Подобного рода эмпатия говорит о достижении участниками общения полной психологической взаимоидентификации, при которой речь кажется поверхностной и ничего не значащей (*rarely if ever talked, the most trivial domestic things*), в то время как молчание представляется единственно возможным подлинным способом общения. Таким образом, обоюдный силенциальный акт, представленный в примере (19), служит цели обеспечения эмоционального контакта между участниками коммуникации, то есть выполняет фатическую функцию.

Однако молчание может указывать не только на полное взаимопонимание между коммуникантами и на особого рода взаимосвязь, не требующую обмена речевыми сообщениями для своего поддержания, но и на отчуждение между участниками общения, их нежелание продолжать коммуникацию. Пользуясь выражением Р. Якобсона (Якобсон 1975: 201), можно сказать, что «канал связи» в этом случае перестает работать, а молчание призвано выразить желание коммуникантов прервать общение:

(20) “No, I am sorry, but you owe me a dollar sixty-five. I’ve been keeping track of every –”
“I’ll have to go upstairs and get it from my mother. Can’t it wait till Monday? I could bring it to gym with me if it’d make you happy.”

Selena's attitude defied clemency.

“No,” Ginnie said. “I have to go to the movies tonight. I need it.”

In hostile silence, the girls stared out of opposite windows until the cab pulled up in front of Selena's apartment house [Salinger 2015: 53].

В примере (20) представлен диалог между двумя американскими школьницами, Джинни и Селеной. Одна из них, Джинни, хочет получить обратно деньги, которые она одалживала подруге на проезд (*you owe me a dollar sixty-five*), и именно эта цель определяет её коммуникативное намерение, стратегию и тактики ведения диалога. Напротив, Селена всячески пытается уклониться от возвращения долга (*Can’t it wait till Monday?*), и, таким образом, конфликт коммуникативных намерений участников общения

приводит к прекращению коммуникации, а именно к «враждебному» молчанию (*hostile silence*). Акт молчания в настоящем примере осуществляет фатическую функцию, которая, согласно Р. Якобсону, обеспечивает не только установление и продолжение контакта, но и его прерывание (Р. Якобсон 1975: 201). Как и в примерах (18), (19), силенциальный акт примера (20) носит обоюдный характер и характеризуется направленностью на контакт как один из основных компонентов коммуникации. Однако при этом конкретное коммуникативное намерение участников ситуации заключается не в поддержании общения, но в его прерывании.

Таким образом, акт молчания, выполняющий фатическую функцию, может быть как положительно, так и отрицательно окрашенным. Если положительно окрашенный силенциальный акт поддерживает коммуникацию или же представляет собой особого рода общение, тем самым соответствуя положительному межличностному молчанию в психологии, то отрицательно окрашенный акт молчания служит для прерывания коммуникации и указывает на отсутствие контакта и взаимопонимания между ее участниками.

2.2.5 Поэтическая функция молчания

Помимо самого контакта, обеспечиваемого фатической функцией, Р. Якобсон добавляет в традиционную трехчастную модель речевого акта ещё два конститутивных элемента – код, или непосредственно язык, позволяющий участникам коммуникации порождать и интерпретировать высказывания, и сообщение, создаваемое средствами этого кода (Якобсон 1975: 193-230). На основе сообщения как неотъемлемого компонента коммуникативного процесса строится поэтическая функция. Эта функция, считает Р. Якобсон, является центральной и определяющей, хотя и не единственной, функцией словесного искусства, выступая во всех остальных видах речевой деятельности как вторичный, дополнительный компонент (Якобсон 1975: 202). Поэтическая функция, таким образом, характеризуется направленностью на сообщение как таковое с целью обеспечения ему

«лучшей формы» (Якобсон 1975: 203), сосредоточенностью на сообщении ради него самого.

Так как поэтическая функция основывается на расположении означающих в эстетической последовательности, именно она через различные средства языка создает необходимые условия для передачи эмоционально-эстетического опыта. С этой точки зрения, молчание является не объектом поэтического или прозаического текста, иными словами, не тем, о чем этот текст сообщает, но частью эстетической последовательности, что дает нам право называть такое молчание эстетическим. Как показало наше исследование, эстетическое молчание в поэтическом тексте может репрезентироваться средствами цезуры, эллипсиса, а также пустыми строчками постольку, поскольку все вышперечисленное способствует усилению эстетического воздействия сообщения.

Для того чтобы рассматривать поэтическую функцию в контексте лингвистики, исследователю необходимо выделить четкий лингвистический критерий её выявления, то есть ответить на вопрос, какой именно признак делает поэтический текст поэтическим. Р. Якобсон формулирует этот критерий следующим образом: «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» (Якобсон 1975: 204), то есть принцип равенства (эквивалентности) используется для построения последовательностей. Это определение предполагает, что всякий художественный текст представляет собой структурную упорядоченность особого рода, причем упорядоченность эта может осуществляться по двум направлениям. Первое из них – упорядоченность по парадигматике («ось селекции» по Р. Якобсону, то есть выбор из некоторого множества элементов одного на основе принципов эквивалентности, подобия и различия, синонимии и антонимии), второе – упорядоченность по синтагматике («ось комбинации», или соединение выбранных элементов таким образом, чтобы они образовывали правильные в языковом отношении цепочки). М.Ю.

Лотман трактует эти принципы как два типа отношений, на основе которых строится художественный текст: а) отношения со-противопоставления повторяющихся эквивалентных (расположенных на оси парадигматики) элементов и б) со-противопоставление соседствующих (не эквивалентных, расположенных на оси синтагматики) элементов (Лотман 2015: 107). Первый принцип уравнивает то, что в естественном языке не является уравненным, то есть со-противопоставляет один эквивалентный элемент другому: «В поэзии один слог приравнивается к любому слогу той же самой последовательности, словесное ударение приравнивается к словесному ударению, отсутствие ударения – к отсутствию ударения...» и, что особенно важно в контексте настоящей работы, «синтаксическая пауза приравнивается к синтаксической паузе, а отсутствию паузы – к отсутствию паузы» (Якобсон 1975: 204). Если первый принцип, который Ю.М. Лотман называет «принципом повтора, ритма» (Лотман 2015: 107), приравнивает эквивалентные друг другу элементы естественного языка, то второй принцип, «принцип метафоры» (Лотман 2015: 107), соединяет то, что в рамках естественного языка не может быть соединено. Тенденцию к повторяемости, ритмизации, Ю.М. Лотман рассматривает как конструктивный принцип стихотворной речи, иными словами, как основу поэтической функции, а тенденцию к соединяемости, метафоризации – как основной признак прозаической структуры (Лотман 2015: 107).

Таким образом, повтор выступает в поэтическом тексте как реализация упорядоченности по принципу эквивалентности, упорядоченности по парадигматической оси. Из этого можно сделать вывод, что молчание как часть художественной структуры будет представлено повторяющимися элементами, такими, например, как синтаксические паузы разной длины и в разном окружении. Анализ такого типа молчания в настоящей работе проводится на материале творчества американской перформансистки и композитора Лори Андерсон (Laurie Anderson). ⁷ Согласно Р. Бауману,

---

⁷ Для анализа использовались живые и студийные записи перформансов Лори Андерсон.

структура перформанса держится на использовании достаточно стабильного набора средств «культурно обусловленной метакоммуникации» (Vauman 1977: 16). К этим средствам автор причисляет специальные коды, образный язык, параллелизмы, особые паралингвистические черты (скорость речи, паузы, интонация, громкость и некоторые другие), предустановленные формулы общения, указание на ту или иную традицию и т.д. Перформансы Лори Андерсон, представляющие собой соединение рассказов и песен, неформального общения с аудиторией и танцевальных элементов, диапроекции и музыки, могут служить подтверждением этой идеи, так как основным средством передачи художественного содержания в них выступает в первую очередь язык – речь в соотношении с молчанием.

Несмотря на то, что в большей части своих перформансов Лори Андерсон полагается на использование речи, молчание неизменно присутствует в ее работах как неотъемлемый элемент любой языковой коммуникации: интонационно-синтаксические паузы используются автором для достижения особого стилистического, драматического и эстетического эффекта.

Рассмотрим в качестве примера запись «Looking for you» – часть семичасового перформанса в четырех частях «United States» (1984):

*(21) I wanted you (.....) and I was looking for you (.....) but I
couldn't find you (.....)*

*I wanted you. (....) And I was looking for you all day. (.....) But I
couldn't find you. (....) I couldn't find you [Anderson 1984].⁸*

В контексте перформанса как формы искусства, в том числе (а для Лори Андерсон – в первую очередь) и словесного, повторяющиеся разнородные паузы воспринимаются как часть эстетической последовательности и уравниваются между собой. Медленный темп речи и паузы длиной до шести секунд отсылают к сквозной теме перформанса – неопределенность, неясность отношений между лирической героиней (нарратором) и тем, к кому

---

⁸ Количество точек в скобках указывает на продолжительность паузы в секундах.

она обращается (второй, имплицитный участник ситуации, создаваемой, или активируемой, поэтическим текстом). Иконическая связь между молчанием и неопределенностью (ambiguity) в коммуникации была впервые отмечена К. Бассо (Basso 1970: 213-230), однако и последующие исследования в области антропологии и лингвистики подтвердили корреляцию между молчанием и неопределенным статусом участников общения (Braithwaite 1990: 321-327).

Непосредственно за «Looking for you» в записи перформанса следует отрывок, озаглавленный «Walking and falling», который также характеризуется использованием поэтического, или эстетического, потенциала молчания и развивает общий для всех частей перформанса мотив неопределенности, амбивалентности:

*(22) You`re walking (..)
and you don`t always realize it (...)
but you`re always
falling. (...)
With each step, (.)
you fall
forward
slightly (...)
and then
catch yourself
from falling. (..)
Over
and
over, (.)
you`re falling (..)
and then catching yourself (.) from
falling. (.....)
And this is how you can be walking (..)
and falling (..)
at the same (..) time [Anderson 1984].*

Отрывок «Walking and falling», представленный в примере (22), не просто развивает сквозную тему перформанса, но и вносит в неё новый аспект через сопоставление, или, пользуясь термином Ю.М. Лотмана, «сопротивопоставление» (Лотман 2015), двух на первый взгляд совершенно противоположных процессов, обозначенных уже в заглавии. Таким образом, на уровне содержания пример (22) представляет собой внешне парадоксальное рассуждение о природе движения, в ходе которого снимается противоречие между хождением и падением, что поддерживается и на уровне формы – поэтическое молчание, реализуемое через синтаксические паузы, играет такую же роль в создании эстетической последовательности, что и речь. Иными словами, единичные явления, кажущиеся противоположными, соединяются в более сложное единство, образуют некий непрерывный континуум, будь то процесс движения, или процесс создания поэтического языка.

Кроме того, анализ показал, что Лори Андерсон также обращается к ассоциативному потенциалу иконической связи между молчанием и смертью с целью создания поэтического образа:

(23) What Fassbinder film is it? (...) The one armed

Man walks into a flower shop and says: (...)

What flower expresses (..)

Days go by (.)

And they just keep going by (.) endlessly

Pulling you (..)

Into the future (...)

Days go by (..)

Endlessly (.)

Endlessly pulling you

Into the future. (...)

And the florist says: (...)

White Lily [Anderson 1986].

Настоящий пример представляет собой часть перформанса «Home of the Brave», записанного летом 1985 года в Центре исполнительских искусств (Park Performing Arts Center) в Юнион-Сити, штат Нью-Джерси. Этот небольшой, но чрезвычайно насыщенный образным и философским содержанием отрывок разрабатывает следующие темы: диалектика жизни и смерти, циклический ход времени, растворение времени в вечности. Медленный темп речи и частое повторение синтаксических пауз, некоторые из которых длятся до четырех секунд, являются не просто формальными, задающими ритм средствами, но и на уровне содержания дополняют основную тему отрывка – тему вечности и цикличности времени, вечного повторения и возвращения.

Символом смерти в примере (23) выступает белая лилия: «Белые лилии наряду с чистотой могут иногда символизировать смерть» (Рошаль 2005: 764). Так как смерть часто трактуется как вечное безмолвие, молчание имеет с ней ассоциативно-иконическую связь. Из этого мы можем заключить, что регулярно повторяющиеся в тексте паузы не только служат выразительности речи, создавая особый контекст восприятия слов, но и выполняют самостоятельную поэтическую функцию за счет того, что их иконическое значение соответствует основной теме отрывка и предвосхищает его завершение – смерть. Поэтический потенциал данного текста создается именно за счет такой сложной разноуровневой перекодировки значений, в которой молчание играет далеко не последнюю роль.

Таким образом, если Р. Якобсон рассматривал поэтическую функцию прежде всего в контексте её реализации разнообразными речевыми средствами, наше исследование позволяет сделать вывод, что поэтическая функция в равной мере свойственна и молчанию. Так как основным признаком поэтической структуры является тенденция к повторяемости и уравниванию эквивалентных элементов, молчание как часть поэтического текста в

большинстве случаев реализуется в качестве повторяющихся синтаксических пауз.

2.2.6 Метаязыковая функция молчания

Характерным признаком метаязыковой функции, или функции толкования, является установка на код общения, который в идеальных коммуникативных условиях является полностью или частично общим для адресанта и адресата. Выделение метаязыковой функции обусловлено необходимостью различать два уровня языка: «объектный язык», на котором говорят о внешнем мире, и «метаязык», на котором говорят о самом языке. При этом следует отметить, что метаязык не только является одним из самых важных инструментов любого лингвистического исследования, но и имеет большое значение в контексте повседневной коммуникации: «Мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций» (Якобсон 1975: 201-202). В качестве примера можно привести обмен языковыми сообщениями, цель которых – проверить, пользуются ли участники общения одним и тем же кодом, или высказывания, несущий информацию лишь о лексическом коде того или иного языка (например, объяснение значения неизвестного адресату слова). Таким образом, речь выполняет метаязыковую функцию, если ее предметом становится сам код, то есть если язык воспринимается не как средство коммуникации, но как её основная цель.

Некоторые исследователи считают, что молчание занимает подчиненное положение по отношению к речи, так как оно не может выполнять свойственные ей референциальную и метаязыковую функции. В частности, В. Собковиак, рассматривавший проблему молчания в русле теории маркированности, пишет: «Оно [молчание] не может быть использовано для того, чтобы дать комментарий или задать вопрос о структуре самого языка» (Sobkowiak 1997: 46). Однако такая позиция не подтверждается результатами нашего исследования.

Как было показано в разделе, посвященном референтивной функции, молчанию в той же мере свойственна ориентация на контекст и цель обмена информативными суждениями о положении дел в мире, что и речи. Более того, согласно результатам нашего исследования, все функции речи, выделенные Р. Якобсоном, в равной мере относятся и к молчанию. В этом отношении метаязыковая функция не является исключением.

Существуют два основных вида ситуаций, в которых молчание осуществляет метаязыковую функцию. В первом случае целью коммуникации, или предметом речи и, соответственно, молчания, становится сам код, так как говорящему и слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом общения и может ли успешная коммуникация состояться. Представим себе, что к иностранцу в англоязычной стране обращаются с вопросом, носящим исключительно метаязыковой характер: «Do you speak English?» По интонации адресат может заключить, что собеседник обращается к нему именно с вопросом, а не пытается поговорить о погоде. Однако даже если адресат не обладает достаточной языковой компетенцией, чтобы отличить вопрос от утверждения, опыт взаимодействия с другими людьми подскажет ему, что говорящий хочет установить с ним контакт. В этом случае на вопрос адресанта не знающий английского языка адресат ответит молчанием, осуществляющим метаязыковую функцию. Пропозициональное содержание такого акта молчания может быть сформулировано следующим образом: «Я не могу поддерживать с вами общение, так как мы пользуемся разными кодами». Молчание в данном случае носит характер языкового знака-символа, выступает в качестве силенциального акта и осуществляет метаязыковую функцию, так как его пропозициональное содержание в первую очередь направлено на сам код коммуникации.

Во втором типе ситуаций метаязыковое молчание актуализируется в качестве интонационно-синтаксических пауз, маркирующих синтаксические роли в

том или ином высказывании. С функциональной точки зрения все паузы, так или иначе задействованные в процессе коммуникации, можно разделить на грамматические, отделяющие друг от друга интонационные фразы, и неграмматические, не имеющие отношения к интонационно-смысловому членению речи (Кривнова, Чардин 1999). К неграмматическим паузам относятся как паузы хезитации, так и психологические и физические паузы, носящие произвольный характер, то есть не обладающие интенциональностью (Кривнова, Чардин 1999; Введенская, Павлова 2012). Грамматические, или интонационно-синтаксические паузы, осуществляют определенную коммуникативную функцию, а именно структурируют высказывание с интонационно-синтаксической точки зрения. Некоторые из этих пауз соответствуют знакам препинания в письменной речи и различаются по своей длительности (Введенская, Павлова 2012). Так как эти паузы маркируют синтаксические роли, они характеризуются направленностью на сам код высказывания и его внутреннюю структуру. Примеры подобных пауз в своей работе приводит М. Ефратт: «The chicken Ø is ready to eat» / «The chicken is ready Ø to eat»; «Tibetan Ø history teacher / Tibetan history Ø teacher»; «To govern Ø people use language» / «To govern people Ø use language» (Ephratt 2008: 1927).

Таким образом, молчание может осуществлять все функции языка, выделенные в структурно-функциональной модели речевого акта Р. Якобсона, в том числе и последнюю – метаязыковую.

Выводы по главе 2

1. В настоящей работе была предложена методика анализа коммуникативного молчания, состоящая из пяти пунктов и учитывающая, принадлежит ли молчание адресанту или адресату, с одной стороны, и является ли оно индивидуальным или институционально-коллективным, с другой. Методика основана на пятиуровневой модели силенциального акта и позволяет проследить, как коммуникативные функции языка реализуются в отношении молчания.
2. Коммуникативному молчанию в той же мере, что и речи, свойственна референтивная функция, то есть ориентация на контекст и передачу информации о мире в прошлом, настоящем и будущем. Молчание в референтивной функции реализуется в качестве языкового знака-символа,

обладающего нулевым планом выражения и особым, ненулевым планом содержания. В этом качестве акт молчания функционирует как нулевой языковой знак, передающий определенную информацию. Связь между референтивным молчанием и его значением может быть как символической, то есть конвенциональной, так и иконической, то есть основанной на определенном сходстве с планом содержания.

3. Коммуникативное молчание обладает эмотивной функцией, если посредством силенциального акта говорящий выражает свой эмоциональное состояние и определенный психологический опыт. Молчание-эмотив может служить передаче как негативных, так и положительных эмоций, при этом в большинстве случаев способ выражения эмоциональных состояний определяется теми или иными социокультурными параметрами.
4. Конативная функция коммуникативного молчания проявляется в стремлении адресанта оказать на адресата определенное воздействие. В конкретной речевой ситуации молчание, осуществляющее конативную функцию, может реализовываться как дискурсивный маркер, а именно маркер смены коммуникативных ролей, как знак-индекс или знак-символ, а также в качестве концептуально-превентивного молчания.
5. Фатическая функция, характеризующая как коммуникативное молчание, так и речь, направлена на установление, поддержание или прерывание контакта между участниками коммуникации. Акт молчания, выполняющий фатическую функцию, может быть как положительно, так и отрицательно окрашенным. В первом случае силенциальный акт соответствует положительному межличностному молчанию в психологии и маркирует достижение полного взаимопонимания между коммуникантами. Во втором случае акт молчания служит цели прерывания коммуникации и указывает на отсутствие контакта и взаимопонимания между ее участниками.

6. Поэтическая функция молчания характеризуется направленностью на сообщение как таковое и основывается на расположении означающих в эстетической последовательности. Так как повтор выступает в поэтическом тексте как реализация упорядоченности по принципу эквивалентности, упорядоченности по парадигматической оси, молчание как часть художественной структуры представлено повторяющимися элементами, такими, например, как синтаксические паузы разной длины и в разном контекстуальном окружении.
7. Характерным признаком метаязыковой функции молчания является установка на код общения. В результате исследования удалось выявить два основных типа ситуаций, в которых молчание реализует метаязыковую функцию. Молчание в первом случае носит характер языкового знака-символа, выступает в качестве силенциального акта, а его пропозициональное содержание направлено на сам код коммуникации. Во втором типе ситуаций метаязыковое молчание актуализируется в качестве интонационно-синтаксических пауз, которые маркируют синтаксические роли в том или ином высказывании и характеризуются направленностью на его внутреннюю языковую структуру.

Заключение

Молчание как компонент коммуникативного поведения представляет собой универсальное, но сложное и неоднородное явление. В силу этого необходимо отметить, что изучение молчания должно носить междисциплинарный характер и осуществляться с привлечением данных разных наук. К исследованию этого явления обращались философы, теологи, антропологи, этнографы, культурологи, психологи и лингвисты. Начало изучения феномена молчания положила философия, в русле которой было выработано противопоставление молчания тишине как явления сферы языка и языкового сознания явлению природному и физиологичному.

В лингвистике возникновение научного интереса к проблеме молчания связано в первую очередь со становлением антропоцентрической парадигмы и осознанием того, что коммуникативное молчание является неотъемлемой частью структуры человеческого языка. Одним из результатов лингвистического изучения этого феномена является вывод о необходимости различения коммуникативного и некоммуникативного молчания. Коммуникативное молчание включено в структуру человеческого общения, обладает свойством интенциональности и выполняет ряд коммуникативно-прагматических функций, в то время как некоммуникативное молчание исключено из ситуации общения, не носит осознанного характера и не имеет коммуникативной направленности. Коммуникативное молчание, в свою очередь, может реализовываться и как пауза, тем самым выступая в качестве одного из паралингвистических средств общения, и как акт молчания, который, обладая нулевым планом выражения и ненулевым планом содержания, является полноправным аналогом собственно речевого акта. Помимо этого, лингвисты, изучающие настоящее явление, постулируют, что связь между молчанием и его значением может быть иконической, символической и индексальной, что позволяет добавить новое измерение в научное описание феномена молчания.

В рамках теории коммуникации особое внимание уделяется систематизации прагматических функций коммуникативного молчания. Неоднородные и разнообразные функции, выполняемые молчанием в процессе общения, нашли свое отражение в целом ряде различных классификаций. С нашей точки зрения, методологически важным и теоретически оправданным представляется проведение параллелей между функциями речи и коммуникативного молчания как ее полноправного аналога. Опираясь на настоящее положение, в качестве отправной точки дальнейшего анализа мы использовали классификацию коммуникативных функций языка, разработанную Р. Якобсоном в соответствии с шестичастной структурной моделью речевого акта.

Предложенная методика описания коммуникативного молчания, учитывающая различные формы его реализации и основанная на пятиуровневой модели силенциального акта С. В. Крестинского, показала свою продуктивность в ходе анализа. Было установлено, что коммуникативному молчанию в той же мере, что и речи, свойственны функции, выделенные Р. Якобсоном, а именно референтивная, эмотивная, конативная, фатическая, поэтическая и метаязыковая функции. Таким образом, лингвистическое описание молчания, включенного в структуру общения, может опираться на классификацию коммуникативных функций языка, разработанную Р. Якобсоном.

В настоящей работе молчание рассматривалось с привлечением данных философии, психологии, этнографии, антропологии и культурологии, что позволило, помимо прочего, выделить отрицательное и положительное межличностное молчание в рамках фатической функции, а также концептуально-превентивное молчание – в рамках конативной. Кроме этого, проведенный анализ показал, что выбор между молчанием и речью с целью передачи определенного содержания диктуется теми или иными социокультурными параметрами. Настоящий вывод представляет особый интерес для такой науки, как лингвокультурология, и намечает дальнейшие пути изучения феномена молчания.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Образ Иисуса Христа в православной традиции // Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб., 2005. С. 256-276.
2. Аверинцев С.С. Иисус Христос – русскими глазами // Труд. М., 2000. No 002.
3. Антонова Е.Я. Пространство и время в ранней прозе Джеймса Джойса: «Дублинцы» и «Портрет художника в юности»: дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1992.
4. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М., 1994. С. 117-127.
5. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973. No 1. Т. 32. С. 84-89.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
7. Биbihин В.В. Язык философии. СПб., 2015.
8. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. СПб., 1997.
9. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика и культура речи. Ростов-на-Дону, 2012.
10. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2011.
11. Емельянова О.В. Семантическая универсалия «свой – чужой» в языковой картине мира // Язык человека. Человек в языке / под ред. А.В. Зеленщикова, Е.Г. Хомяковой. СПб., 2012. С. 43-69.

12. Катюхина Т.В. «Человек молчащий» как предмет исследования философской антропологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. Вып. 4. М., 2009. С. 86-92.
13. Крестинский С.В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения: автореф. дис. ... канд. филологич. наук. Л., 1991.
14. Крестинский С.В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // Коммуникативно-функциональные аспекты языковых единиц. Тверь, 1993. С. 59-66.
15. Кривнова О.Ф., Чардин И.С. Паузирование при автоматическом синтезе речи // Теория и практика речевых исследований. М., 1999. С. 87-103.
16. Кривнова О.Ф., Чардин И.С. Паузирование при автоматическом синтезе речи // Теория и практика речевых исследований. М., 1999.
17. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб, 2016. С. 5-374.
18. Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре общения: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
19. Морозова О.Н., Базылева О.А. Определение понятия коммуникации в современной лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. No 1. Т. 7. СПб, 2011. С. 204-211.
20. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22-130.
21. Постовалова В.И. Философия языка: основные подходы и парадигмы изучения (к типологии представления) // XI Международная конференция. Логика, методология, философия науки. Секция философии языка. М., 1995.
22. Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2011. С. 10-31.
23. Рошаль В.М. Энциклопедия символов. М., 2008.
24. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: теория речевых актов. М., 1986. С. 151-169.
25. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 419-438.
26. Толочин И.В., Лукьянова Е.А. и др. Учебник по лексикологии. СПб, 2014.
27. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998.
28. Торчинов Е.А. Введение в буддизм. СПб., 2013.
29. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Тотем и табу. М., 2012. С. 415-583.
30. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006.
31. Хомякова Е.Г. Человек в языке как объект лингвистического анализа // Язык человека. Человек в языке / под ред. А.В. Зеленщикова, Е.Г. Хомяковой. СПб, 2012. С. 208-232.
32. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
33. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М., 2006.
34. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм “за” и “против”. М., 1975. С. 193-230.
35. Anderson M. Nonverbal Communication // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. by Brown K. Amsterdam, 2006. P. 689-692.
36. Baker S. J. The theory of silences // The Journal of General Psychology. 1955. Vol. 53. P. 145-167.
37. Basso K. H. “To give up on words”: Silence in Western Apache culture // Southwest Journal of Anthropology. 1970. Vol. 26. No 3. P. 213-230/

38. Bauman R. The nature of performance // Verbal act as performance / ed. by Bauman R. Mass., 1977.
39. Bilmes Jack. Constituting silence: life in the world of total meaning // Semiotica. 1994. Vol. 98. P. 73-87.
40. Braithwaite Ch. A. Communicative silence: a cross-cultural study of Basso's hypothesis // Cultural communication and intercultural contact / ed. by Carbaugh D. N.J., 1990. P. 321-327.
41. Bruneau T.J. Communicative silences: forms and functions // The Journal of Communications. 1973. Vol. 23. P. 17-46.
42. Bühler K. Sprachtheorie: die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934.
43. Chomsky Noam. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA, 1965.
44. Crystal D., Quirk R. Systems of Prosodic and Paralinguistic Features in English. The Hague, 1964.
45. Ephratt Michal. Linguistic, paralinguistic and extralinguistic speech and silence // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. P. 2286-2307.
46. Ephratt Michal. The functions of silence // Journal of Pragmatics. 2008. Vol. 40. P. 1909-1938.
47. Exodus // Bible, King James Version. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Exodus+20%3A7&version=KJV>.
48. Jaworski Adam. The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives. Newbury Park, CA, 1993.
49. Jensen V.J. Communicative functions of silence // Review of General Semantics. 1973. Vol. 30. P. 249-257.
50. Kurzon D. Discourse of Silence. Amsterdam/Philadelphia, 1998.
51. Leathers D.G. Successful Nonverbal Communication. Boston/London, 1997.
52. Leech G. Principles of pragmatics: textbook. London, 1983.
53. Lenz B. John Fowles: Visionary and Voyeur. NY, 2008.
54. Lyons J. Human language // Nonverbal Communication / ed. by Hinde R.A. Cambridge, MA, 1972. P. 49-85.
55. Malinowski B. Phatic Communion // Communication in face-to-face interaction: textbook / ed. by Laver J., Hutcheson S. Harmondsworth, 1972. P. 146.
56. Pierce Ch. S. Collected Papers of Charles Sanders Pierce / ed. by Hartshorne C., Weiss P. Cambridge, MA, 1965.
57. Piontelli A. From Fetus to Child: An Observation and Psychoanalytic Study. London and New York, 1992.
58. Poyatos F. Nonverbal Communication Across Disciplines. Amsterdam/Philadelphia, 2002.
59. Rosenfield C. "Men of a Smaller Growth": A Psychological Analysis of William Golding's "Lord of the flies" // Literature and Psychology 11.4. 1964. P. 93-101.
60. Saville-Troike M. Silence: cultural aspects // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. by Brown K. Amsterdam, 2006. P. 379-381.
61. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: An Introduction. Cambridge, MA, 1982.
62. Saville-Troike M. The place of silence in an integrated theory of communication // Perspectives on Silence / ed. by Tannen D., Saville-Troike M. Norwood, NJ, 1985. P. 3-18.
63. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, MA, 1987.
64. Sobkowiak W. Silence and markedness theory // Silence: Interdisciplinary Perspectives / ed. by Jaworski A. Berlin and New York, 1997. P. 39-61.
65. Sontag S. The aesthetics of Silence // Sontag S. Styles of Radical Will. London, 1966.

66. Stalnaker R. C. Assertion // Syntax and Semantics. New York, 1978. Vol. 9. P. 315-332.
67. Stedje A. Brechen Sie dies ratselhafte Schweigen - Uber Kulterbedingtes, Kommunikatives und Strategisches *Schweigen* // *Sprache und Pragmatik. Lunder Symposium. Stockholm, 1982. P. 7-35.*
68. Trager G.L. Paralanguage: a first approximation // Studies in Linguistics. 1958. Vol. 13. P. 1-12.
69. Vargas M.F. Louder than Words: Introduction to Nonverbal Communication. Iowa, 1986.
70. Wilson D., Wharton T. Relevance and prosody // Journal of Pragmatics. 2006. Vol. 38. P. 1559-1579.
71. Winnicott D. W. Communicating and not communicating (1963) // Winnicott D. W. The Maturational Process and the Facilitating Environment. London, 1990. P. 179-192.
72. Winnicott D. W. The capacity to be alone (1958) // Winnicott D. W. The Maturational Process and the Facilitating Environment. London, 1990. P. 29-36.
73. Zemach E. Wittgenstein`s philosophy of the mystical // The Review of Metaphysics. 1964. Vol. 18. P. 38-57.

Список словарей

1. The Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
2. The Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>

Список источников примеров

1. Anderson L. Home of the Brave. New York, 1986.
2. Anderson L. United States. New York, 1984.
3. Bronte Ch. Jane Eyre. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm>

4. Fowles J. The French Lieutenant`s Woman. URL: http://gigy.weebly.com/uploads/5/9/4/4/5944278/john_fowles_the_french_lieutenants_woman.pdf
5. Golding W. Lord of the Flies. Saint-Petersburg, 2013.
6. Greene G. The Quiet American. London, 2004.
7. Joyce J. The Dubliners // Joyce J. The Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man. Moscow, 1982.
8. Kerouac J. On the Road. London, 2000.
9. Lawrence D. H. Lady Chatterley`s Lover. URL: <http://www.gutenberg.net.au/ebooks01/0100181.txt>
10. Lloyd Ch. A. The Book of Three. New York, 2014.
11. Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone. URL: <http://www2.sdfi.edu.cn/netclass/jiaoran/englit/download/Harry%20Potter%20and%20the%20Sorcerer%27s%20Stone.pdf>
12. Salinger J. D. Nine Stories. Saint-Petersburg, 2015.
13. Sterne L. Tristram Shendy. London, 1759/1964.
14. Traditional Wedding Vows – Samples for your Ceremony. URL: <http://www.dotcomwomen.com/weddings/traditional-wedding-vows-samples-for-your-ceremony/9078/>
15. Vonnegut K. Slaughterhouse-Five, or The Children's Crusade. URL: <https://d3jc3ahdjad7x7.cloudfront.net/Y123A19Pz9PA3NJvumF35vHcWw2IHETwhFknsYdWWNVjovdc.pdf>
16. Waugh, E. Brideshead Revisited. England. Chapman and Hall, 1945.
17. Woolf V. To the Lighthouse. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks01/0100101.txt>

Список сокращений

Anderson L. Home of the Brave – Anderson
 Anderson L. United States - Anderson
 Bronte Ch. Jane Eyre – Bronte

Fowles J. The French Lieutenant`s Woman – Fowles
Golding W. Lord of the Flies – Golding
Greene G. The Quiet American – Greene
Joyce J. The Dubliners – Joyce
Kerouac J. On the Road – Kerouac
Lawrence D. H. Lady Chatterley`s Lover – Lawrence
Lloyd Ch. A. The Book of Three – Lloyd
Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone – Rowling
Salinger J. D. Nine Stories – Salinger
Sterne L. Tristram Shendy – Sterne
Vonnegut K. Slaughterhouse-Five, or The Children's Crusade – Vonnegut
Waugh, E. Brideshead Revisited – Waugh
Woolf V. To the Lighthouse – Woolf